

Репрезентации второй Чеченской войны в газете
«Новая Газета»

Дипломная работа
Аннукка Мононен

Университет г. Ювяскюла

Отделение языковедения

Кафедра русского языка и культуры

Август 2014 г.

JYVÄSKYLÄN YLIOPISTO

Tiedekunta – Faculty Humanistinen	Laitos – Department Kielten laitos
Tekijä – Author Annukka Mononen	
Työn nimi – Title Rerezentatsii vtoroj Tšetšenskoi vojny v gazete ”Novaja Gazeta” (Toisen Tshetshenian sodan representaatiot “Novaja Gazeta” -lehdessä)	
Oppiaine – Subject Venäjän kieli ja kulttuuri	Työn laji – Level Pro gradu
Aika – Month and year Elokuu 2014	Sivumäärä – Number of pages 72
<p>Tiivistelmä – Abstract</p> <p>Toinen Tshetshenian sota oli jatkoa Venäjän vuonna 1997 päättyneelle ensimmäiselle Tshetshenian sodalle, jonka Boris Jeltsinin alulle panemat uudistukset, Venäjän ja muiden Lähi-idän maiden väliset öljykiistat sekä Tshetshenian itsenäistymispyrkimykset saivat aikaan. Sotaa käytiin lähes kolme vuotta, kunnes 1997 Venäjä joutui myöntämään tappionsa ja vetäytymään joukkoineen Tshetsheniasta. Sotaa käytiin epäinhimillisesti ja siinä rikottiin paljon ihmisoikeuksia. Vaikka Venäjä oli hävinnyt sodan, se ei vielä kuitenkaan myöntänyt Tshetshenialle itsenäisyyttä. Seuraavat kaksi vuotta olivat melko rauhallisia, mutta vuonna 1999 uudet itsenäistymispyrkimykset ajoivat Tshetshenian terroristitekoihin ja lopulta 1. lokakuuta Vladimir Putin lähetti Venäjän joukot Tshetsheniaan. Venäjä halusi voittaa sodasta, jonka oli jo kerran hävinnyt. Toisen Tshetshenian sodan suurimmat taistelut käytiin kahden ensimmäisen vuoden aikana. Vuoden 2000 jälkeen Putin jatkoi sissisotaa ”terrorismin vastaisena operaationa”, johon liittyi mm. vuonna 2004 Beslanissa tehty koulukaappaus. Lopullinen päätös sodalle saatiin vasta vuonna 2009.</p> <p>Sodassa rikottiin paljon ihmisoikeuksia, mistä myös esimerkiksi tunnettu ”Novaja Gazeta” – lehden journalisti Anna Politkovskaja sai maksaa hengellään. Venäjän media onkin rajoittanut paljon sotarikoksista kirjoitettuja uutisia suojellakseen omaa poliittista kantaansa erityisesti sotiin ja niistä johtuviin kiistoihin liittyen. Presidentti Boris Jeltsinin aikana venäläinen lehdistö sai paljon vapauksia ja sananvapauden asema laajeni. Vladimir Putinin siirtyessä valtaan vuoden 2000 alussa sananvapauden ja lehdistön asemaa alettiin rajoittaa uudelleen.</p> <p>Pro gradu -tutkielmassani analysoin venäläisen aikakauslehdten, ”Novaja Gazetan”, lehtiartikkeleita, jotka käsittelevät toisen Tshetshenian sodan alkuvaiheita. Tavoitteenani on etsiä lehtiartikkeleista erilaisia representaatioita yksityiskohtaisen kielellisen analyysin pohjalta. Toisin sanoen, tutkin sanoja ja niiden yhdistelmiä, tekemisen tapoja ja tekemisen aktiivisia ja passiivisia subjekteja ja kohteita, sekä sitä, kuinka eri konteksteissa ilmaistaan yhteenkuuluvuutta, esim. me venäläiset – nuo tshetsheenit. Sanat voivat saada myös joko hyvin neutraaleja tai puolestaan hyvin arvottavia näkökulmia, kuten <i>uusi sota</i> (neutraali), <i>voittoisa operaatio</i> (arvottava). Myöhemmin tämän analyysin perusteella voin tehdä johtopäätöksiä siitä, millaisia representaatioita sota, tshetsheenit, venäläiset, tai Tshetshenia ja Venäjä tuovat ilmi.</p> <p>Tutkimuskysymykseni ovat; kuinka Novaja Gazeta – lehti representoi toista Tshetshenian sotaa? Millaisia kielellisiä merkityksiä sota, sotatapahtumat ja sodan osatekijät tuovat ilmi uutisoinnissa ja kuinka niitä teksteissä arvotetaan?</p>	
Asiasanat – Keywords Venäjän media, Tshetshenian sodat, representaatio, diskurssi	
Säilytyspaikka – Depository Kielten laitos / venäjän kieli ja kulttuuri	
Muita tietoja – Additional information	

Содержание

1 Введение.....	5
1.1 Цель и задача исследования.....	6
1.2 Материал и метод.....	7
2 Чеченская война.....	9
2.1 История России после перестройки.....	9
2.1.1 Новые реформы РФ и причины первой Чеченской войны.....	10
2.1.2 Роль религии и этничности в войнах.....	14
2.2 Первая Чеченская война.....	16
2.3 Вторая Чеченская война.....	18
3 СМИ России.....	22
3.1 Понятие СМИ.....	22
3.2 Эволюция российских СМИ в 1990-х годах.....	24
3.3 СМИ и власть.....	25
3.3.1 СМИ во времена Ельцина.....	25
3.3.2 СМИ во времена Путина.....	27
3.4 «Новая газета».....	29
4 КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	33
4.1 Понятие дискурса.....	33
4.2 Дискурс-анализ.....	34
4.3 Разные подходы к дискурс-анализу.....	35
4.4 Критический дискурс-анализ.....	36
4.5 Трёхмерная модель Фэркло.....	37
4.5.1 Уровен текста.....	38
4.5.3 Социокультурная практика.....	39
4.6 Репрезентация.....	40

5. РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ В ГАЗЕТЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА».....	43
5.1 Война и военные события	44
5.1.1 Существительные.....	44
5.1.2 Существительные с определениями.....	48
5.2 Участники военных событий	54
5.2.1 Существительные.....	55
5.2.2 Существительные с определениями.....	60
6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
Источники	71

1 ВВЕДЕНИЕ

Тема Чечни сегодня актуальна как никогда. Национальная политика Советского государства на Кавказе в 1940-х годах заложила бомбу замедленного действия, которая разорвалась в 1994-ом году. Первая Чеченская война произошла, когда президентом России был Борис Ельцин. Самые главные причины войны – стремление к автономии для Чечни, конфликт с нефтепереработкой и криминальные финансовые структуры России. Несмотря на определённые военные успехи России, итогами этого конфликта стали вывод российских подразделений, массовые разрушения и жертвы, что привело ко второй Чеченской войне во время Владимира Путина. Главной целью, которую преследовала вторая Чеченская война, было проведение Путиным операции против террористов и сепаратистов Чечни. Таким образом, операция велась не против террористов, а против сепаратистов, борющихся за независимость Чечни.

Итак, Чеченский кризис разразился в последние месяцы существования СССР и не разрешен и по сей день. Мы можем утверждать, что причины этого кризиса разнообразны. Кризис оказал также огромное влияние на российское общество,

международное положение страны, а также её образ в глазах международного сообщества (Зубова 2009, 661).

В данной дипломной работе мы исследуем репрезентации второй Чеченской войны в газете «Новая Газета», которые мы будем рассматривать с помощью критического дискурс-анализа. Кроме этого, мы рассмотрим теоретические положения, связанные с Чеченскими войнами и российскими СМИ.

Данная дипломная работа состоит из введения, пять глав и заключения. В первой главе представлены цели и задачи данной работы и исследовательские вопросы.

Во второй главе мы представим историю России до первой Чеченской войны, причины этой войны, а также историю первой и второй Чеченских войн. В третьей главе мы представим развитие российских СМИ во времена перестройки и становления независимой России, а также рассмотрим основные данные о газете «Новая газета». В четвёртой главе мы представим общие положения критического дискурс-анализа и определим некоторые понятия, важные для нашей работы. В пятой главе проводится анализ исследовательского материала. В заключении подводятся основные выводы исследования.

1.1 Цель и задача исследования

Цель нашей дипломной работы – выяснить, как в медиатекстах репрезентируют события второй Чеченской войны и её участников, и рассмотреть, как писали о их в российской прессе, а именно – в газете «Новая Газета». В центре внимания будет то, какие языковые средства используются в статьях о второй Чеченской войне сразу начале войны. Конкретные задачи – исследовать, какие репрезентации можно найти, и как социокультурные практики отражаются в текстах, когда пишется о войне и о её участниках. Далее, в нашем анализе исследовательского материала особое внимание уделяется рассмотрению двух категорий. Первая категория - это война и военные события, а вторая категория включает в себя участников событий. Мы анализируем каждую категорию при

помощи примеров. Как Фэркло считает, исследуя язык СМИ, мы также узнаем много важного о культуре и современном обществе (Fairclough 1997, 10). Так, из-за актуальности Чеченского кризиса, мы считаем, что тема нашей дипломной работы является важной и актуальной. Надеемся, что благодаря нашей работе будет расширено понимание именно взаимоотношений России и Чечни.

Мы стремимся ответить на следующие вопросы: Как в «Новой газете» репрезентируются события второй Чеченской войны и участники связанные с ней? С помощью каких лингвистических средств авторы статей описывают войну и участников с точки зрения Чечни и чеченцев, а также с точки зрения России и российских?

1.2 Материал и метод

Основная исследовательская литература данной работы состоит из книг, посвященных истории России и Чечни, а также средств массовой информации России. Помимо исследовательской литературы, используются также следующие интернет-сайты: «<http://www.novayagazeta.ru>» (далее НГ), «<http://www.prosmi.ru>» (далее Просми), «<http://ria.ru>» (далее РИА Новости), «www.media-atlas.ru» (далее Медиа-атлас) и «<http://www.history-of-wars.ru>» (далее History of wars). Далее, исследовательским материалом для данной дипломной работы служат статьи газеты «Новая Газета», которые описывают вторую Чеченскую войну в начале событий. Все статьи за один месяц, с 1 октября по 1 ноября 1999 года. Причиной такого выбора является то, что вторая Чеченская война началась официально 30-ого сентября 1999 года. Таким образом, мы можем выяснить, каким был резонанс в медиатекстах в России сразу после событий. Исследовательский материал собран через электронную базу «Интегрум».

Как уже сказано, в нашей дипломной работе мы будем применять метод критического дискурс-анализа. То есть, при анализе текста мы будем обращать внимание на то, какие слова или лингвистические аспекты в статьях используются о второй Чеченской войне и её участниках. Мы будем исследовать,

дают ли разные новости о войне разные репрезентации в медиатекстах, и какие они? Конкретной целью нашей дипломной работы будет исследование того, какие точки зрения и какие репрезентации характерны для статей, касающихся второй Чеченской войны. Методы нашего анализа мы рассмотрим подробнее в главе 4.

2 ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

2.1 История России после перестройки

Последний период истории Советского Союза — перестройка. Это был период нового курса советского партийного руководства, совокупности политических и экономических перемен, происходивших в СССР с 1985 по 1991 год. Перестройку возглавил президент М. С. Горбачёв. Тогда в России сделали возможными и во многом неизбежными глубокие преобразования, совокупность политических и экономических перемен, которые изменили социально-экономические и политические отношения. Другими словами, важным этапом в осмыслении ситуации Горбачёва был курс на ускорение социально-экономического развития СССР. Можно также сказать, что это было первое «непуганное» поколение будущих политиков во время СССР, которые не пережили тяжелой атмосферы, а были намного внутренне свободнее и более образованные. (Барсенков, Вдовин 2008, 587; 598.)

Согласно Дворниченко и Измозике, однако, несмотря на новые реформы Горбачёва, в конце в 1991-ого года СССР оказался в кризисе. С политической точки зрения, руководство страны во главе с Горбачёвым надеялось сохранить основы прежней политической системы и руководящую роль Коммунистической партии, но ничего из этого не вышло. Либеральные реформы и условия тоталитарного режима вели государство к гибели. (Дворниченко, Измозика 2006, 379; 383.)

Как Зубова констатирует, в свою очередь, ситуация стала сложной и во время последней осени СССР, когда Горбачёв начал терять свою власть. Он обладал только тенью былой власти, и вся реальная власть была уже в руках будущего президента Бориса Ельцина, а также у огромной массы его сторонников. (Зубова 2009, 574.)

Иначе говоря, история современной России начинается с конца 1991 года, в результате глубокого социально-экономического и политического кризиса СССР. Согласно Барсенкову и Вдовину (2008, 676) сейчас новому государству предстояло остановить действие деструктивных процессов, которые охватывали многие сферы, восстановить управляемость в стране и перейти к реформированию всей системы общественных отношений.

2.1.1 Новые реформы РФ и причины первой Чеченской войны

В результате распада СССР в 1991-ом году, на международной политической «арене» появилось новое государство – Российская Федерация (РФ), в составе которого находилось 89 регионов, которые включали в себя 21 автономную республику (Деревянко, Шабельникова 2007, 441). Первым президентом Российской Федерации в июне 1990-ого года был избран Борис Ельцин. Сразу после того, как Горбачёв отошёл от власти осенью 1991-ого года, обратились Ельцин и его сторонники к радикальным реформам, призванным искоренить основы коммунистической государственности и экономики. В то же время, всё-таки одним из самых жестких важных вопросов переходного периода Ельцина

была реформа государственного устройства и сохранение территориальной целостности России. (Зубова 2009, 568; 578-579; 652.)

По словам Зубовой, одной из самых актуальных задач этого переходного периода стала именно реформа государственного устройства. Как пишут авторы, создание настоящей, а не формальной федерации и изменение статуса её субъектов, децентрализация управления, перекройка политико-административных границ представлялись средством демократизации общества, смягчения или разрешения национальных конфликтов. Кроме того предполагавшееся укрупнение регионов и изменение их границ давало также сторонникам Ельцина возможность отстранить от власти в консервативных регионах старые советские элиты, которые противились реформам. (Зубова 2009, 652.)

Говоря о реформе государственного устройства в России в 1991-ом году, также Съезд России санкционировал реформу национально-государственного устройства, которая предусматривала признание равноправия народов и суверенитета автономных республик и преобразование автономных областей в национально-государственные образования (там же 2009, 652).

Далее, согласно точке зрения авторов, национальные движения в России продлились в начале 1990-х годов. Они требовали создания новых республик и дальнейшего дробления регионов по национально-территориальному признаку до полной территориальной реабилитации народов. Суверенизация регионов стала все более грозить Российской Федерации распадом, причем не только национальных республик, но и собственно русских краев и областей. (Там же 2009, 652.)

По словам Деревянко и Шабельниковой, в свою очередь, к 1992-ому году отношения России с субъектами Федерации были как-то урегулированы. Федеративный договор, который был подписан в Москве 1992-ом году, определил взаимоотношения между субъектами Федерации и границы государства. Подписание договора не прекратило сразу региональные конфликты, и в октябре-декабре 1992-ом году обострился конфликт по территориальному вопросу между осетинами и ингушами. (Деревянко, Шабельникова 2007, 441.)

Согласно Зубовой (2009, 652) уже 1-ого ноября в 1991-ом году Чеченское руководство во главе с Джохаром Дудаевым объявило о независимости. Следовательно, обострился давний осетино-ингушский конфликт, который активизировал национальные движения в Татарстане, Башкирии, Якутии и Туве. По словам авторов, в большинстве Чечни происходила этнизация власти. Иначе говоря, это значит, что представители титульных народов вытесняли русских со значимых постов. Несмотря на это, по авторам, провозгласив первым указом независимость Чеченской Республики, Дудаев выдвинул требование признать независимость Чечни, но Ельцин отказался принять решение до признания Чечни субъектом РФ и Россия отклонила требование. (Зубова 2009, 662).

Далее, в 1990-ом году противники коммунистического режима в Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республике создали Объединенный конгресс чеченского народа (далее ОКЧН) — чрезвычайно разнородную организацию. Позже и в ней лидерство захватили национал-радикалы. В 1991-ом году во главе ОКЧН встал генерал-майор авиации Джохар Дудаев, который стал позже президентом Чеченской республики. (Там же 2009, 662.)

Зубова пишет, что после путча в августе ОКЧН обвинил советское руководство республики в поддержке мятежников и на волне митинговой активности совершил вооруженный переворот, который разогнал Верховный Совет. Позднее из представителей ОКЧН и небольшой группы депутатов Верховного Совета был создан Временный высший совет, признанный российским руководством как «демократический» орган власти в Чечено-Ингушетии. Как в ответ на ситуацию в Чечне съезд депутатов Ингушетии всех уровней объявил о разделении Чечено-Ингушетии и образовании Ингушской республики в составе РСФСР. Нужно отметить, что между Чечней и Ингушетией, однако, границы определены не были. (Зубова 2009, 662.)

Как Зубова, так и Дворниченко и Измозика пишут, что именно по этим причинам также национальные отношения оставались сложными в начале существования Российской Федерации. В национальных республиках власть оказалась в руках

местной национальной партийной бюрократии, созданной в советское время. Для сохранения власти Россия активно отстаивала право своих территорий и прежде всего, право на часть выручки от продажи сырья и энергоносителей. В этом отношении настойчивы были особенно власти Татарстана и Якутии. При поддержке местных национальных движений им удалось добиться заключения особого договора первыми и с федеральной властью. Из-за этого также национальные образования получили больше прав, чем российские области и в некоторых республиках ухудшилось положение русского населения. (Дворниченко, Измозика 2006, 403.)

Согласно точке зрения Барсенкова и Вдовина, политика президента Бориса Ельцина усилила борьбу за независимость Чечни и привела ситуацию к кризису. Распад СССР в конце 1991-ого года породил в России ситуацию политико-правовой неопределенности в отношениях между бывшими союзными республиками. С другой стороны, они провозгласили себя суверенными государствами, добились независимости от «имперского центра» как в Москве, так и на местах. (Барсенков, Вдовин 2008, 691.)

Другими словами, мы можем отметить, что самая первая причина Чеченской войны в том, что федеральная власть России стремились ликвидировать самостоятельность генерала Дудаева, который создал прецедент открытого неповиновения центру со стороны одного из субъектов Федерации. Далее, это угрожало единству территориальной целостности и суверенитету России. (Дервянко, Шабельникова 2007, 442.)

Другой причиной Чеченской войны была нефтепереработка. Эта одна из самых знаменательных причин спора и кризисов между Чечней и Россией. Особенно нарушение железнодорожного сообщения и подачи нефти из Баку в Новороссийск поставили под угрозу интересы российских экспортеров нефти бизнеса связанного с ним. (Дервянко, Шабельникова 2007, 442.)

С Дервянко и Шабельниковым согласна Зубова. По словам Зубовой, уже до начала 1994-ого года на нефтеперерабатывающие заводы Грозного продолжала поступать нефть из Сибири и Ставропольского края и в масштабах России добыча

нефти в Чечне не имела большого значения. Конкретно это значит, что проблема в том, что Чеченские вооруженные структуры безнаказанно расхищали и нефть, которая добывалась в самой Чечне. Споры были из-за того, что нефтепродукты экспортировались именно через Черноморские порты без всяких налогов. (Зубова 2009, 663.)

Таким образом, по Деревянко и Шабельниковой (2007, 442), третьей причиной Чеченской война были криминальные финансовые структуры. Политика Ельцина давала возможность отмывать огромные деньги через Чечню, связанную с нефтепереработкой.

Далее, Деревянко и Шабельникова упоминают как четвертую причину Чеченской войны – коррумпированные московские чиновники, причастные к расходованию средств из федерального бюджета. По авторам, связанные с ними также предприниматели, банкиры, торговцы оружием видели в войне перспективный источник личного обогащения. Таким образом, мы согласны с авторами в том, что одна из доминирующих причин Чеченского кризиса – нефть и деньги. (Деревянко, Шабельникова 2007, 442.)

Как уже говорилось, начало президентства Бориса Ельцина и его политика против борьбы за независимость Чечни привели ситуацию к кризису между Россией и Чечней. Чеченский кризис, который не разрешился и по сей день, оказал огромное влияние как на российское общество и международное положение страны, так и на её образ в глазах международного сообщества. Соглашаясь с авторами, мы можем отметить, что причины этого кризиса многообразны. Кроме того, в исторической памяти чеченцев кризис был связан с многолетней кровопролитной борьбой против российской колонизации Восточного Кавказа. (Зубова 2009, 661.)

2.1.2 Роль религии и этничности в войнах

Как Зубова отмечает, естественно, что в краях между Чечней и Россией разные нации смешались. По их мнению, особенно сразу после распада СССР в Чечено-Ингушетии только начинала складываться национальная номенклатура. Также

устранение идеологических догм и коммунистического репрессивного аппарата вызвало возрождение ислама, традиционно влиятельного на территории Чечено-Ингушетии и прилегающей северной части Дагестана. (Зубова 2009, 661.)

Наконец, другие страны, которые не имели автономию, стремились получить право на свои территории, и обладать преимуществами в плане политического, экономического, социального, этнокультурного развития в сравнении с другими национальными группами. Постепенно национализм стал играть большую роль, особенно в борьбе против контроля Союзной Республики. Ситуация привела к тому, что после выхода национальных проблем на поверхность общественной жизни, они дали о себе знать в 1988-1991 годах в череде кровавых межэтнических конфликтов в самых разных частях СССР, как в том числе в Цхинвале (Южная Осетия). В то же время межэтническая нестабильность все чаще становилась мотивом эмиграции из СССР. (Барсенков и Вдовин 2008, 614.)

Также М. Евангелиста говорит, в свою очередь, о религии и этичности как причинах Чеченских войн. Согласно Евангелиста, конфликты между Россией и Чечней известны уже с времён царской власти и деспотизма Сталина. Причинами войн были не только исторические условия, но и стремление Чеченского народа к независимости. Ни история, ни сотрудничество между Россией и Чечней в Северном Кавказе не были продолжительными. (Evangelista 2004, 28)

По словам Барсенкова и Вдовина, уже во время перестройки в основе обострения национальных противоречий лежал ряд причин в культурной сфере. Бюрократическая унификация всех сторон жизни оказала негативное влияние на этнокультурную сферу. Сильный национализм играл большую ролью и все народы страны за годы Советской власти в различной форме испытали немало несправедливостей. (Барсенков, Вдовин 2008, 613-614.)

По Палве и Пиетикяйнёну, «Мусульманство» – другими словами «ислам» стал организовывать социально-политические движения в регионах уже в конце СССР (Palva, Pietikäinen 1999, 80-81). По Лунтинену, в свою очередь, в 1990-ом году особенно «мусульманство» приносило с собой споры на Кавказ, которые по-прежнему ещё продолжаются, особенно на территориях Чечни (Luntinen 2008, 883-884).

2.2 Первая Чеченская война

Как уже было упомянуто, первая Чеченская война началась как военный конфликт между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерией, происходивший в основном на территории Чечни в 1994 года. Результатом конфликта была победа чеченских вооруженных сил и вывод российских войск, массовые разрушения, жертвы и сохранение независимости Чечни. (History of wars 14.01.2012.)

По словам Дворниченко и Измозики, сначала у федеральных властей России отсутствовала продуманная национальная политика, что отрицательно сказалось особенно на Кавказе, в частности в Чеченской Республике. Несмотря на протесты Верховного Совета и законно избранных органов власти, в конце 1991 года к руководству в Чечне пришел генерал Джохар Дудаев. В то же время и в республике утвердился открыто криминальный режим. Дудаев провозгласил независимость Чечни, которую никто не признал и с которой никто до середины 1994 года не боролся. (Дворниченко, Измозика 2006, 403.)

Нордберг пишет, что когда Москва временно закрывала глаза на ситуацию, Дудаев захватил значительную часть имущества и вооружений российских войск в Чечне. Скоро территория республики превратилась в базу, в которой преступные группировки проводили криминальные операции по всей России. Далее, в декабре 1994 года началась борьба за сферы влияния внутри чеченских тейпов. (Nordberg 2007, 403-404.)

Первая атака была 27-ого сентября 1994 года, когда Дудаев атаковал штаб оппозиции. Внезапно чеченские войска начала бомбить авиацию без опознавательных знаков. Кремль отвергал принадлежность этих самолетов России и в 15-ого октября танки в сопровождении отрядов оппозиции вошли в Грозный. (Зубова 2009, 665.)

Далее, 11-ого декабря российские войска начали свое движение вглубь Чеченской территории (Зубова 2009, 665). По Лунтинену, войска Российской Федераций начали свое движение из Ингушетии, Дагестана и Ставропольского края по направлению Моздок – Грозный. После этой стычки российские группировки остановились, окопались и перешли к обороне по линии Первомайский. И так, российские войска открыли огонь по ингушскому населению. (Лунтинен 2008, 919.)

Первая Чеченская война, другими словами операция федеральных войск, начавшаяся в декабре 1994-ом году, по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской республики обернулась затяжной и очень кровопролитной двухлетней войной, которую удалось завершить к осени 1999 года (Терешина 2010, 772).

Согласно Интернет-сайту РИА Новости, 21-ого апреля 1996 года федеральный центр России добился крупного успеха, когда удалось ликвидировать Джохара Дудаева. Но его смерть не привела к прекращению войны. Далее, в августе 1996-ого года бандформирования вновь захватывают Грозный, блокируя позиции российских войск. Сейчас подготовленная операция по уничтожению боевиков была отменена. (РИА Новости 8.10.2013.)

Как авторы Деревянко и Шабельникова констатируют, поражение российских войск в Чечне создало для России сложную ситуацию в форме реальной проблемы. России трудно принять решение о том, предоставлять или не предоставлять независимость Чечне. (Деревянко, Шабельникова 2007, 443.)

Наконец, 14-ого августа 1996 года подписывается соглашение о перемирии. После этого начались переговоры представителей России и Чечни о разработке «Принципов определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой». Переговоры закончились 31-ого августа 1996 года подписанием Хасавюртовских соглашений. С российской стороны документ подписал Александр Лебедь, который был в то время секретарем Совета безопасности России, и с чеченской Аслан Масхадов. (РИА Новости 08.10.2013.)

Далее, в 1997 году Президентом Чеченской республики был избран полковник А. Масхадов, который провозгласил курс на национальную независимость Чечни. В конце концов, 12 мая 1997 года Ельцин и Масхадов подписали Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерии и открыли путь к независимости Чечни. (Деревянко и Шабельникова 2007, 443.)

2.3 Вторая Чеченская война

Как уже упомянуто, после окончания первой войны в Чечне январе в 1997 году прошли также новые выборы президента Чечни, которым стал Аслан Масхадов. После этого, в мае 1997 года в Москве был подписан мирный договор Российской Федерации с Чечней. Всё-таки вопрос о статусе Чечни формально откладывался до 2001-ого года, потому что чеченское руководство, которое было заинтересовано в экономических связях с Россией, требовало международного признания и одновременно безвозмездной помощи от России на восстановление разрушенного в годы войны хозяйства. (Дворниченко и Измозика 2006, 404-405.)

Несмотря на события во время первой Чеченской войны и после неё, обстановка в Чечне оставалась крайне тяжелой. Итак, руководство Чечни оказалось не способным справиться с криминальными структурами. Стали захватывать заложников, особенно российских журналистов и иностранных граждан для получения выкупа. Далее, исходя из идей ваххабизма в августе 1999 года отряды чеченских боевиков вторглись во главе с Басаевым и Хаттабом в Дагестан. По инициативе Путина, который тогда ещё был премьер-министром России, началась контртеррористическая операция, которая позже перешла во вторую Чеченскую войну. Таким образом, при поддержке местного населения сепаратисты были вытеснены с территории Дагестана. (Дворниченко, Измозика 2006, 405.) Широкая антитеррористическая операция, другими словами борьба против террористов, началась (Барсенков и Вдовин 2008, 770).

Далее, согласно Барсенкову и Вдовину, 31-ого декабря 1999 года Борис Ельцин объявил гражданам России о своей отставке. Новые президентские выборы назначались на 2000-ый год, и обязанности Президента возлагались на Председателя Правительства Владимира Путина. Из-за плохой экономической ситуации России, Путин хотел начинать в стране многие реформы. Самая большая его цель – консолидация российского общества. Итак, началась интенсивная работа по совершенствованию всех общественных структур. (Барсенков и Вдовин 2008, 768-769.)

Путинские политические реформы дошли также до армии России, имеющей отношение к Чеченской войне. Согласно журналистке Анне Политковской, во время Путина армия имела большой статус, чем во время Ельцина. Путин стал высказываться, что армия, униженная при Ельцине, будет повсеместно возрождаться, и это единственное, чего ей не хватает для полного и окончательного возрождения. Итак, решение этой проблемы – вторая чеченская война, которую можно закончить именно с помощью армии. (Политковская 2010, 55 Перевод наш –АМ.)

По Дворниченко и Измозика, в свою очередь, первое начало второй Чеченской войны – в начале сентября 1999 года, когда боевики Чечни провели первые взрывы домов как террористические акты в нескольких городах: в Буйнакске, Волгодонске и Москве. В то же время федеральные войска взяли под свой контроль важнейшие населенные пункты Чечни. В этой ситуации сепаратисты также перешли к методам партизанской войны. Эти незаконные вооруженные формирования стали частью международных террористических организаций. (Дворниченко, Измозика 2006, 405.)

Далее, 23-ого сентября президент Российской Федерации издал Указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций (далее КТО) на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации», который предусматривал создание Объединенной группировки войск на Северном Кавказе для проведения КТО. (РИА Новости 13.10.2013.)

Как Барсенков и Вдовин всё-таки констатируют, что в то же время 23-ого сентября 1999 года российская авиация начала массированные бомбардировки столицы Чечни и её окрестностей. Ракетно-бомбовому удару были подвергнуты склады боеприпасов и оружия боевиков в окрестностях Грозного. 29-ого сентября федеральные войска России перешли границу с Чечней и начали наземные операции против бандформирований. 30-ого сентября началась наземная операция, когда они вошли на территорию Чечни, и вторая Чеченская война официально началась. (Барсенков, Вдовин 2008, 776.)

Этой же осенью федеральные войска взяли под свой контроль в короткий срок важнейшие населенные пункты Чечни. Также и сепаратисты перешли в этой ситуации к методам партизанской войны. И так, начались нападения на военные колонны, казармы и блокпосты, а также убийства чеченцев, которые сотрудничали с российскими властями. Ситуация стала тяжелой и осложнялась тем, что в условиях военных действий десятки тысяч чеченцев оказались в тяжелейших условиях в лагерях беженцев в соседней Ингушетии. (Дворниченка, Измозика 2006, 406.)

Далее стало понятно, что быстрого решения чеченской проблемы не существует. Наряду с боевыми операциями правительство России развернуло работу восстановления разрушенных городов и сел. Они, например, стали формировать новые органы управления с привлечением в них местного населения. (Там же 2006, 406.)

По словам Дворниченко и Измозика, к 2003-ому году Российское государство ещё не было готово предоставить Чеченской Республике широкую автономию. Террористические акты продолжались по отношению к мирному населению на территории Чечни и России ещё много лет. Террористические акты происходили в Москве, Моздоке и Чечне против незащитных граждан с октября 2002-ого года по август в 2003-ого года. В мае 2004 года в результате террористического акта погиб также и новый президент Чечны А. Кадыров, выбранный 5-ого октября 2003 году. (Дворниченко, Измозика 2006, 406.)

В конце концов, террористическая операция, другими словами контртеррористическая операция в Чечне продолжалась почти 10 лет. 25-ого марта 2009 года президент Чечни Рамзан Кадыров сделал заявление завершить КТО, что 30-31 марта 2009-ого года стало официальным. В Кремле подтвердили, что вопрос о завершении контртеррористической операции в Чечне прорабатывается, однако подчеркнули, что говорить о сроках еще рано. (РИА Новости 13.10.2013.)

Согласно РИА Новости, во время второй чеченской войны, за период с первого октября 1999-ого года по 23-ое декабря 2002-ого года общие потери федеральных сил составили 4572 человека убитыми. Раненых в Чечне, в свою очередь были 15549 человека. По той же статистике среди мирного населения 5-6 тысяч человек убиты и 1-2 тысячи ранены и бандитские формирования потеряли около 13-14 тысяч человек. (Там же 13.10.2013.)

Под конец мы можем утверждать, что вторая Чеченская война заметно отличалась от первой войны. Владимир Путин и его политические реформы играли большую роль в отношении второй Чеченской войны. Новое возрождение продолжалось долго и потери были большие. Всё-таки можно сказать, что борьба с сепаратизмом в Чечне успешно завершилась, хотя победу нельзя назвать окончательной.

3 СМИ РОССИИ

3.1 Понятие СМИ

Под термином СМИ (средства массовой информации) понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации. (Закурский 2002, 232.)

Под термином СМИ, согласно Запесоцкому, в современной России понимаются обычно газеты, журналы, радио, телевидение и Интернет. По целому ряду к этому классу явлений могут быть отнесены также кинематография, книгопечатание, тиражирование аудио- и видеопродукции, использование широчайшего спектра носителей для рекламы. (Запесоцкий 2010, 21.)

Термин массовая информация (далее МИ), в свою очередь, понимается как новая языковая реальность, которая находится в центре современных языковых

процессов. МИ – модель современного национального языка, в котором взаимодействуют также как его литературная основа, так и нелитературные сферы. (Солганика 2012, 12.)

Согласно Петровой, в сфере массмедийной коммуникации также главные изменения обусловлены социальными факторами, играющими очень большую роль. Когда говорим о языке массовой информации и ее изменениях, можно отметить, что в последние десятилетия русский язык сильно изменился. Изменение происходит из-за нестабильного состояния российского государства. В России произошли и ещё продолжают происходить большие перемены в общественно-политической жизни общества. (Петрова 2011, 8.)

По Петровой, СМИ один из самых важных общественных институтов. По её мнению, СМИ оказывают решающее влияние на формирование не только взглядов и представлений общества, но и норм поведения его членов. Поэтому у СМИ большое влияние на поведение и взаимодействие человека. (Петрова 2011, 7.)

Петрова также говорит, что современные СМИ в России включают в себя разные сферы русского языка. В любом языке можно видеть разнонаправленные тенденции его развития. На развитие языка оказывают влияние межъязыковые контакты, языковая политика, развитие экономики, науки и культуры. (Петрова 2011, 7-8.)

Кроме Петровой, о понимании в тексте говорит профессор Микко Лехтонен. По его мнению, текст является реальностью, как экономика и политика, которые имеют свои аспекты. Значения и язык являются также инструментом власти, как и общественные и социальные действия, политические последствия и культурная политика. (Lehtonen 2004, 23.)

3.2 Эволюция российских СМИ в 1990-х годах

Информационная революция в России оказалась одной из самых неожиданных революций в XX годах (Кириллов и др. 2007, 82). Тогда СМИ Советской системы были неотъемлемым институтом советского общества. Вартанова описывает этот период как картину, которая создавалась советскими медиа прежде всего односторонней и поэтому не соответствовала реальности. Формальное единство СМИ и общества Советского союза можно было определить как один народ, одна партия, одна идеология, одни медиа. (Вартанова 2002, 11.)

По словам Петровой (2011, 8), в свою очередь, в конце XX века язык российской прессы был как «зеркало» политической и речевой культуры общества, которое освобождалось от тоталитарной власти. Итак, очевидно, что во время советской системы СМИ имели более сложную структуру и систему внутреннего соподчинения составлявших ее частей. Поэтому совсем не просто определить, с чего начиналось развитие постсоветской медиа-системы (Вартанова 2002, 11).

Иначе говоря, в 1990-х годах, уже с распада СССР, стало активно развиваться законодательство СМИ в России. Далее, закон «*О средствах массовой информации*», был принят парламентом Российской Федерации в декабре 1991-ого года. Это законодательство выдержало испытание политическими потрясениями эпохи и далее, был принят целый ряд принципиальных актов, сформировавших основу информационной деятельности в стране. По автору, основная идея закона – свобода печати и недопустимость цензуры. (Кириллова 2007, 28-29.)

С Кирилловой согласен Я.И. Засурский. Он говорит о законе «*О средствах массовой информации*» и отмечает, что развитие российских СМИ по направлению свободы печати в России проявились сразу после развития демократии. Мы можем сказать, что концепция свободы печати стала сегодня уже общепринятой. В то же время в России стало глубже понимание самой свободы

печати. По Я.Н. Засурскому, свобода печати – свобода мнений. Другими словами, свобода печати утвердилась как свобода выражения мнений, как политическая свобода, возможность свободно говорить и выражать свои мысли. (Засурский 2002, 3.)

3.3 СМИ и власть

Говоря об отношениях СМИ и власти в России, мы можем сказать, что ситуация сильно изменилась за последние десятилетия. Ведущая роль политики в деятельности СМИ была разной во время каждого президента России. Согласно Я.Н. Засурскому, во время президента СССР Горбачёва, с началом перестройки советская печать стала больше инструментом критики бюрократии, командо-административной системы и инструментом демократизации. В отличие от предыдущих времён, журналисты могли писать свободно. Однако, руководящая роль партии сохранилась и печать способствовала осуществлению демократизации сверху. Эта система отличалась от советской модели тем, что в руках Горбачёва и его сторонников модель была инструментом демократизации под управлением партии и государственников. Эта новая модель – *инструментальная* модель. (Засурский 2008, 5.)

3.3.1 СМИ во времена Ельцина

12-ого июля 1990 года, при Ельцине последовало принятие закона о печати. Коммунистическая партия была запрещена, и печать компартии и других общественных организаций перешла в руки журналистов. Возникла новая модель журналистики – «*четвёртая власть*». (Засурский 2008, 5.) По Запесоцкому (2010, 21), «*четвёртая власть*» – «власть над умами», которая идеально должна быть сосредоточена в руках специализированных социальных институтов, которые не зависят от трех формальных ветвей власти – законодательной, исполнительной или судебной.

Далее, во время первого президента Российской Федерации, Бориса Ельцина, в сфере СМИ появился новый термин – *медиаполитическая система*. Этот термин точно определял смысл политики в 1990-е годы. В то время как государственные институты, так и партийные структуры были неустойчивым или несформированным. Именно каналы воздействия на аудиторию определяли конфигурацию политической системы. Говоря о медиаполитической системе с точки зрения президента, мы можем отметить, что когда медиа были отобраны у коммунистов и переданы профессиональным журналистам, благодаря первой приватизации СМИ, все ключевые моменты истории пресса поддерживала Ельцина, потому что он был для журналистов гарантом свободы и собственности. (Засурский 2008, 85-86.)

Итак, время Ельцина между 1991-1993 годами пережило «золотой век» журналистики для свободы. Всё-таки это завершилось скоро по экономическим причинам. Этот период оказался трудным испытанием для прессы; цены на газеты выросли, и тираж газет и журналов упал. Трудности потребовали новых инвестиций в газеты и журналы в СМИ. В результате контроль над большинством газет и журналов перешёл скоро в руки государства – банков и корпораций. (Засурский 2008, 5-6.)

Несмотря на экономические проблемы, во время Ельцина возродились ещё две новые модели в СМИ России. Другими словами третья модель журналистики – *корпоративно-авторитарная* модель. Эта модель пришла в 1995-1996 годах, перед президентскими выборами. Модель сработала только во время выборов, с помощью бизнесменов и олигархии. (Засурский 2008, 6.)

Далее, по мнению И.И. Засурского (2002, 95), в то же время, к концу 90-х годов в России существовало около десятка крупных политизированных и коммерческих медиахолдингов. Немногие из них справились с мощным присутствием в медиаполитической системе. С Засурским согласен руководящий исследователь политики Рябов. Рябов (2004, 181) говорит о приватизированной свободе печати и СМИ России в 90-х годах. По его словам, тогда Российские СМИ изменились радикально. Их разнообразие и глобализация, появление негосударственных СМИ сделали невозможным возвращение времён, когда государство владело и

контролировало массмедиа. Возникли новые компании частной собственности. Одна из этих новых компаний – «Медиа мост», начавший вещание в 1993 году с бизнесменом Владимир Гусинским. Особенно во время первой Чеченской войны издание «Медиа мост» было ещё более критическим, чем СМИ, контролируемые государством.

3.3.2 СМИ во времена Путина

Если Ельцин был, в свое время, для журналистов гарантом и свободы, и собственности, Путин – другое дело. Согласно Рихтеру (2008, 54), Путин не просто являет собой иной тип политика, он и работает по-другому. По автору, этот факт сам влияет на его политику, в том числе и в отношении регулирования СМИ.

Путин лично не участвовал в утверждении свободы печати в России и не играл никакой роли в составлении Конституции Российской Федерации и чувствует меньше ответственности как гарант существующих прав. Несмотря на это, как Рихтер отмечает, в его президентство его правительство играло большую роль в управлении процессами в сфере СМИ, и ещё будут продолжаться попытки подчинить СМИ своим политическими целями. (Рихтер 2008, 55.)

Итак, после президентских выборов в 2000-ом году, во время Владимира Путина началось другое время в СМИ России. Особенно после выборов углубилось новое падение авторитета СМИ. По словам Я.И. Засурского, оно было связано, с одной стороны, с очевидной их политизацией, с другой – с их коммерциализацией. Администрация Путина выдвинула концепцию укрепления государственных СМИ, и при этом возникла новая модель СМИ, названная *подконтрольными государственным СМИ*. Далее, этому способствовало создание Министерства печати, телерадиовещания, и массовой коммуникации, которое стало играть очень важную роль в укреплении консолидации. Разумеется, это были контролируемые государством СМИ. Например «Российская газета» была передана в ведение этого министерства. (Засурский 2008, 6.)

Далее, всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК), которая была образована постановлением Президиума Верховного Совета Российской Федерации 14-ого июля в 1990-ом году, стала играть все более важную роль в управлении входящими в нее местными телевизионными радиоккомпаниями. (Медиа-атлас 23.10.13.)

По словам Я.И. Засурского, в свою очередь, в то время также Интернет изменился. Было создано информационное агентство – «Страна.РУ», которое представляет принципиально официальные версии, но и располагает специальными отделами, посвященными семи федеральным округам. Также национальные каналы, как *Первый*, *Второй*, РТР и «Культура» остались под контролем государства. (Засурский 2008, 7.)

Итак, как Я.И. Засурский говорит, мы можем утверждать, что развитие всей этой модели соответствовало стремлению укрепить управление в России. Одновременно развивалась и новая модель СМИ в регионах, где газеты, журналы и телевидение разделились на частные, учрежденные *местными властями*. Всё-таки, они, используя административный ресурс, стремились превратить СМИ в свою вотчину. (Там же 2008, 7.)

Во время Путина возникло также дело Чечни. Всем стало ясно, что медиаполитическая система не переживет новых выборов. (Засурский 2002, 99.) Таким образом, ситуация должна была измениться и было понятно, в какую сторону. В 2000 году Путин продемонстрировал незнание законов медиа. Игнорируя СМИ, он хотел подчеркнуть свою силу и способность реализовывать собственные планы вне зависимости от того, что об этом думают журналисты. Далее, разумеется, что потребность контролировать СМИ у сегодняшней власти объективно существует. (Засурский 2008, 86-87.)

Как Я.И. Засурский пишет, сегодня российские медиа непременно должны рассматриваться в глобальном контексте именно потому, что они ярче, чем в других странах, демонстрируют комплекс проблем, под воздействие которого попадают современные медиа системы. Он также отмечает, что для России в связи с переходным периодом, это новейшие факторы глобального характера.

Прежде всего прогресс информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и прочно связанные с национальной историей традиции идеологии, культуры и менталитета, включают национально обусловленные социально-экономические проблемы. (Засурский 2002, 8-10.)

Я.И. Засурский также утверждает, что российский путь к свободе печати был сложным, но этот процесс необратим. Хотя СМИ в России страдали от культурных, профессиональных, экономических и политических трудностей, эти вызовы, достижения в создании свободных СМИ и информации видны и очевидны невооруженным взглядом. (Засурский 2008, 8-9.)

Далее, автор говорит также об *этатизме* в российской прессе. По его словам, однако и после более чем десятилетнего демократического опыта и свободы печати возможен поворот к новому этатистскому авторитаризму, который соединяет с заявлениями о свободе прессы с «грешным» кругом инструментальной пропагандистской концепции журналистики и медиа. Можно сказать, что опасность этого «медиаэтатизма» такж очевидна, чтобы её проигнорировать. (Там же 2008, 8-9.)

Наконец, по Рихтеру, правовые основы журналистской деятельности в России уже созданы. Журналисты сегодня знают о своих правах. Они приучают себя и других подчинять свои действия закону и популяризировать принципы правового государства. (Рихтер 2008, 54.)

3.4 «Новая газета»

«Новая газета» – российская, по тематике общественно-политическая газета, которая является одной из редких независимых изданий современной России. Редакция состоит из отдела новостей, отдела политики, фотографии, а также отделов культуры, спорта и экономики. Главный редактор - Дмитрий Муратов.

Направленность издания – оперативная политическая, экономическая и культурная информация. (Просми 10.10.2013.)

Первый номер газеты вышел 1-ого апреля 1993-ого года 100-тысячным тиражом. Первые три месяца выходила раз в неделю, потом с июля 1993 стала ежедневной. С февраля, до августа 1995 года газета не выходила в Москве в силу финансовых причин, но с августа 1995 газета возобновилась как еженедельная и в 1996 году зарегистрирована как АНО РИД «Новая газета». Общий тираж газеты более чем 270 000 экз. в России, СНГ и за рубежом. (НГ 10.10.2013.) Региональные представительства «Новой Газеты» в России во Владивостоке, Екатеринбурге, Краснодаре, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Рязани, Самаре и в Санкт-Петербурге. Зарубежные выпуски в Германии, Израиле и в Казахстане. (<http://www.novayagazeta.ru/regions.html> 28.01.2014.)

История газеты начиналась в 1992-ом году, когда начались реформы в газете «Комсомольская правда» и сформировалось два подхода. С самого начала «Новая газета» была создана группой около 35–40 журналистов, которые ушли из «Комсомольской правды». Они создали своё издание под названием «Новая ежедневная газета», которая сегодня – Новая газета без кавычек . Первым главным редактором газеты стал Сергей Кожеуров, которую ждала, наиболее трагичная история в современной России. Кожеуров служил главным редактором «Новой газеты» с апреля 1993 года до июня 1994 года. Кроме этого он был генеральным директором газеты с апреля 1993 года до января 2010 года. (НГ 10.10.2013.)

С начала в 1993 года самый главный принцип газеты – изменяться и отличаться в новую сторону. В газете появилось направление, которое и сегодня отличает её – расследования. Часть журналистов считали, что должны держать планку конца 80-х – начала 90-х, то есть оставаться общественно-политической газетой, причем реально независимой от власти и особенно в тот момент изменение было возможно. Коррупционные схемы, вытаскивание их наружу, честность власти, порядочность бизнеса – это те вещи, которые были с самого начала в «Новой». (НГ 10.10.2013.)

Вторая точка зрения была в том, что газета должна приносить деньги. Это значит, с одной стороны, потакать вкусам массового читателя слегка, а с другой – демонстрировать лояльность. Как сам Кожеуров говорит, потому что без лояльности денег не дадут и без акционирования не дадут, поэтому газете надо срочно менять форму собственности, делать газету частной.

В то же время, в стране оформилось противостояние, которое потом закончилось разгоном парламента. Общество расколосось, в том числе и пресса. Газета сразу продекларировала, что не будет поддерживать ни тех, ни других, это была такая позиция неприсоединения. Всё-таки, согласно Кожеурову, газете интересны другие, новые люди, и не факт, что их нет, потому что не было до сих пор. Вот почему из всех политических сил у них всегда было хорошее взаимопонимание с некоторыми партиями, как с «Яблоком», например. (Там же 10.10.2013.)

С российскими правителями у «Новой», никогда не бывшей бизнес-предприятием, складывались любопытные отношения и «Новая газета» достаточно четко проявила свою оппозиционность по отношению к власти. Естественно, что многие бизнесмены, которые стали спонсорами, осторожничали. Для них это был не совсем удобный партнер. Итак, мы можем утверждать, что за всю историю «Новой газеты» она никогда не получала помощь от государства. «Новая» традиционно критиковала Бориса Ельцина и его окружение. А Михаил Горбачёв, в свою очередь, с бизнесменом Александром Лебедевым, долгие годы поддерживали теплые отношения с редакцией газеты. Горбачёв был давним партнёром издания ещё в 1993 году. На часть от своей Нобелевской премии он купил 8 компьютеров для этой группы из 30 журналистов. Владимир Путин, в свою очередь, газету традиционно не замечал. А когда Дмитрий Медведев стал президентом, он поспешил сделать символический жест; он дал первое печатное интервью именно «Новой газете». (Там же 10.10.2013.)

Как Кожеуров отмечает, многие громкие расследования и особенно кавказская тема, исчезли из всех основных российских СМИ. Как мы уже утверждали (см. 3.3.2), репутация самого оппозиционного СМИ в стране отличало газету на

протяжении двух сроков Владимира Путина, и это вызывало диаметрально противоположные мнения о ней. (Там же 10.10.2013.)

Говоря о некоторых теневых сторонах работы журналистов в России, нам надо констатировать, что особенно из-за своей общественно-политической тематики и направленности издания «Новая газета» оказалась в центре политической критики и далее, даже угрозы для сотрудников газеты. Согласно Интернет сайту «Новой Газете», погибших журналистов и правозащитников у газете уже шесть. Самая известная из них – Анна Политковская (30.08.1958 – 07.10.2006). Другие – Игорь Домников, Юрий Щекочихин, Станислав Маркелов, Анастасия Бабурова и Наталья Эстемирова. (НГ 10.10.2013.)

4 КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

4.1 Понятие дискурса

По ЛЭС, «дискурс» (от. франц. discours – речь) – является связным текстом в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно. Под «текстом», в свою очередь, понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, тогда как под «дискурсом» подразумеваются различные виды её актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами. (ЛЭС 2002 s.v. Дискурс.)

Согласно Ванхала-Анишевски, под дискурсом можно понимать три разных подхода; во-первых, лишь устную форму речи, например, диалог и его изучение, и, во-вторых, можно иметь в виду то же самое, что и под связным текстом, который рассматриваем с точки зрения связности и цельности. В-третьих, по автору, дискурс может обозначать и то, и другое. Как Ванхала-Анишевски отмечает, это значит вообще письменную и устную форму речи как целенаправленное социальное действие. «В центре внимания дискурса находится проблема взаимодействия, интеракции, людей во время общения и поэтому исследование дискурса тесно связано, например, прагматикой, лингвистикой текста, антропологией, и социологией». (Ванхала-Анишевски 2003, 58.)

По Филлипс и Йоргенсен, в свою очередь, главная идея теории дискурса состоит в том, что социальное явление никогда не бывает законченным или полным. В конечном счете, значение никогда не может быть фиксированным. Это открывает путь к непрерывной социальной борьбе за то, как определить общество и личность, которые имеют социальные результаты. Таким образом, задача исследователя в области дискурс-анализа состоит в том, чтобы выявить ход этой борьбы и зафиксировать значение на всех уровнях социального. (Филлипс и Йоргенсен 2004, 47-48.)

4.2 Дискурс-анализ

По ЛЭС, термин «дискурс анализ» был использован уже в 1952 г. З. З. Харрисом. Он пытался распространить дистрибутивный метод с предложения на связный текст и привлечь к его описанию социокультурную ситуацию. Позднее этот термин стал ассоциироваться с термином "Textlinguistik" ('лингвистика текста'), который получил распространение с 50-х гг. (ЛЭС 2002 s.v. дискурс).

Далее, дискурс-анализ – междисциплинарная область знания, в которой наряду с лингвистами участвуют социологи, психологи, специалисты по искусственному

интеллекту, этнографы, литературоведы, представители семиотических направлений, стилисты и философы (ЛЭС 2002 s.v. дискурс).

Йокинен и другие констатируют, что ядро дискурс-анализа можно понимать как треугольник, в котором находятся следующие вершины: значения, коммуникативность и культурность. В центре внимания треугольника то, что эти три области крепко связаны друг с другом. В области дискурс-анализа не интересуются любыми значениями, а именно культурными значениями и состоянием общей социальной реальности. Значительно то, что культурные значения не исследуются абстрактно, а они связываются с отношением к людям. (Jokinen et al. 1999, 54.)

Согласно Филлипс и Йоргенсен, подход дискурс-анализ базируется на принципах социального конструкционизма. Ключевые предпосылки этого восходят к французской теории постструктурализма, в которой отрицаются такие тоталитарные и обобщающие все теории, как марксизм и психоанализ. (Филлипс и Йоргенсен 2004, 19; 21.)

4.3 Разные подходы к дискурс-анализу

Область дискурс-анализа очень широкая и она содержит многие различные подходы исследования. Иначе говоря, существует столько вариантов дискурсивного анализа, сколько применяющих его в своих исследованиях авторов. Из этого следует определенная комплексность дискурс-анализа: он может применяться во всех областях исследования, но ни коим образом не должен использоваться отдельно от его теоретического и методологического основания. (Филлипс и Йоргенсен 2004, 17-18.)

Согласно Филлипс и Йоргенсен, расхождение между подходами в том, как определять идеологию. Во-первых, относительно, роли дискурса в построении

мира и, во вторых, относительно фокуса анализа. По авторам, различия в подходах именно в том, что это скорее вопрос степени их расхождения по обозначенным выше позициям. (Там же, 38.)

В нашей анализе мы используем теорию Нормана Фэркло, которую мы рассмотрим далее.

4.4 Критический дискурс-анализ

Норман Фэркло (Fairclough) – один из ведущих представителей критического дискурс-анализа (далее КДА). Он, как и Филлипс и Йоргенсен, рассматривает дискурс не только как созидательный, а также создаваемый. По Фэркло, дискурс является важной формой социальной практики, которая не только представляет, а также изменяет идентичности и социальные взаимоотношения, так и включает в себя отношение власти. В это же время, по авторам, дискурс – это форма существования других социальных практик и структур. Из этого следует, что дискурс находится в диалектических отношениях с другими социальными измерениями. (Филлипс и Йоргенсен 2004, 106.)

Подход к КДА обычно предусматривает теории и методы эмпирического исследования, которые находятся в отношении между дискурсом и социальным и культурным развитием (Филлипс и Йоргенсен 2004, 99). Согласно Филлипс и Йоргенсен, основная цель критического дискурс-анализа состоит в исследовании связи между употреблением языка и социальной практикой, в котором в центре внимания роль дискурсивной практики в поддержании социального порядка и социальных изменениях. В таком понимании каждое коммуникативное явление действует как форма социальной практики в воспроизводстве или опровержении порядка дискурса. Итак, это значит, что коммуникативное явление формирует более широкую социальную практику и формируется ею, посредством определенного отношения к порядку дискурса. (Филлипс и Йоргенсен 2004, 112).

Далее, по авторам, критический дискурсивный анализ является критическим, потому что он стремится показать роль дискурсивной практики в поддержании социального устройства. Эта включает в себя социальные отношения с неравным распределением власти. Как авторы пишут, «общая цель критического дискурс-анализа – способствовать социальному изменению и более равномерному распределению власти в процессах коммуникации и обществе в целом». (Там же, 104.)

При анализе в этой дипломной работе мы употребляем именно этот метод. Мы попытаемся рассматривать медиатексты с помощью дискурс-анализа, именно критического дискурс-анализа согласно Норману Фэркло, и проанализируем медиатексты также в свете социального контекста, включая, например, отношение власти Чечни и России.

4.5 Трёхмерная модель Фэркло

Как уже упомянуто (см. 4.4), Норман Фэркло – один из ведущих представителей критического дискурс-анализа (КДА), который создал полезную теоретическую базу для анализа дискурса как социальной практики. В этой структуре теория содержит несколько понятий, которые взаимосвязаны в относительно сложную трехмерную модель. Согласно этой модели, критический дискурс-анализ коммуникативного события состоит, во-первых, из анализа текста и его лингвистических особенностей, во-вторых, из макро-социологического анализа социальной практики, и, в-третьих, из микро-социологической, интерпретационной традиции социологии. Общая цель этой модели в том, что она обеспечит аналитическую структуру для дискурс-анализа. По Фэркло, «модель поддерживается и базируется на принципе того, что тексты никогда нельзя понять или проанализировать изолированно, а тексты можно понять лишь во взаимосвязи с другими текстами и всем социальным контекстом». (Филлипс и Йоргенсен 2004,

4.5.1 Уровень текста

Первый уровень, анализ текста, состоит из традиционного лингвистического анализа, например, это речь, письмо, визуальное изображение или их сочетание (Филлипс и Йоргенсен 2004, 110). Кроме этого, по Фэркло, анализ текста содержит более обширные аспекты, например, как фразы соединяются друг с другом, или какая структура существует в газетных текстах (когезия и когерентность), то есть, каким цельным и связным текст является. (Fairclough 1997, 79-80). Далее, у каждого текста есть разные функции, например, идеациональная функция, интерперсональная функция и текстовая функция. Через это можно рассматривать, как системы знаний и верований, а также социальные отношения и идентичности создаются одновременно. Это значит, во-первых, как рассматриваются смысловые содержания, другими словами, как репрезентируют мир. Во-вторых, значение имеют социальные отношения между участниками коммуникативного акта. В-третьих, это значит связи, с помощью которых строятся целые тексты. (Ванхала-Анишевски 2006, 14)

4.5.2 Дискурсивная практика

Второй уровень, дискурсивная практика, состоит из многих аспектов, касающихся производства и восприятия текста. Некоторые из аспектов являются тесно институциональными контекстами, между тем как другие можно понимать в более узком смысле. (Fairclough 1997, 81).

По Филлипс и Йоргенсен, самое важное на уровне дискурсивной практики то, что она является средством коммуникации между текстом и социокультурными практиками. Таким образом, «лишь в дискурсивной практике, где люди используют язык для производства и восприятия текста, последние приобретают форму и формируются в процесс социальной практики». Анализ дискурсивной

практики сконцентрирован, во-первых, на том, как авторы текстов используют уже существующие дискурсы и жанры, чтобы создать текст. А, во-вторых, также на том, как получатели текстов применяют доступные дискурсы и жанры при восприятии и интерпретации текстов. (Филлипс и Йоргенсен 2004, 111-112.)

4.5.3 Социокультурная практика

Третий уровень, социокультурная практика – «анализ связи между текстом и социальным контекстом, обществом, который строится с активным вовлечением в изучение языка социокультурных факторов» (Ванхала-Анишевски 2006, 13). При критическом дискурс-анализе, под социокультурной практикой, Ванхала-Анишевски подразумеваются те социальные и культурные структуры и факторы, которые, с одной стороны, способны воздействовать на языковую систему, и с другой стороны, создаются посредством языка (Ванхала-Анишевски 2006, 21).

На социокультурном уровне существуют также разные контексты. Ванхала-Анишевски представляет одно разделение, основанное на системно-функциональной грамматике Хэллидея, в котором анализ контекста делится на два уровня: социокультурный контекст и ситуационный контекст. В первый уровень входит учет воздействия исторического и культурного фона всего общества на речь носителей языка, и второй уровень, в свою очередь, учет конкретной коммуникативной ситуации, совершающийся речевой акт. (Ванхала-Анишевски 2006, 21.)

По Фэркло, социокультурную практику можно раздемить на три контекста. Во-первых, контекст ситуации, во-вторых контекст институциональной практики, окружающей ситуацию, и, в третьи общественный и культурный контекст. Первый уровень значит обычную ситуацию речевой коммуникации. Второй включает в себе, например, правила общения в редакции газеты, и, третий уровень значит историческое и культурное общество. (Fairclough 1997, 71-73.) И так, как Ванхала-Анишевски отмечает, контекст в понимании критического дискурс-анализа может включать в себя и личностные факторы; мнения, чувства, эмоции и этническую и

социокультурную принадлежность. С другой стороны, социокультурная практика подразумевает также анализ экономических и политических аспектов данного общества, а также вопросы ценностей и идентичности личности (Ванхала-Анишевски 2006, 22).

Наконец, так как что социальная практика оказывает почти прямое воздействие на язык, социокультурный контекст играет важную роль именно в анализе медиатекстов. Следовательно, эти тексты могут дать многостороннюю картину того, как и какие значения в данном обществе принято конституировать. (Там же 2006, 22.)

4.6 Репрезентация

При критическом дискурс-анализе говорится также о репрезентации. Согласно Пиетикайнен и Мянтунен, репрезентация – изображение, отображение одного в другом или на другое. Это значит, что речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. (Pietikäinen & Mäntynen 2009, 55-56.)

Согласно Ванхала-Анишевски, в изучении смыслового содержания репрезентаций мира, в центре внимания оказывается представление автором речи фактов действительности, и организация им своего опыта и своего понимания положения дел. По автору, это значит – «какой языковой выбор сделан в тексте, например, как автор называет явления и события внешнего мира, и что выражено прямо и непрямо, какие вопросы являются первостепенными или второстепенными по важности или какие языковые средства при этом использует». Далее, по автору, именно на этом микроуровне мы можем узнать, какие значения присущи говорящему и, данному обществу. (Ванхала-Анишевски 2006, 14).

Исследуя медиатексты, конкретный разбор языкового материала целесообразно начать с анализа пропозиции, то есть предложения. Как Ванхала-Анишевски пишет, «при положительном решении включения определенного семантического компонента в пропозицию автор должен принять решение, при помощи какой языковой структуры он реализует данное значение». В связи с нашим анализом, то есть, например, *террорист – патриотическая борьба*. (Там же, 15).

Говоря о медиатекстах, Фэркло, в свою очередь, исходит из положения, что медиатексты не только отражают действительность, но и создают разные её варианты. По его мнению, в тексте репрезентация рассматривается с двух точек зрения: как строятся, и как соединяются пропозиции. Первый аспект, строение этой пропозиции подразумевает именно то, каким образом в текстах описываются события, ситуации, отношения и люди. Вторым аспектом репрезентации, согласно Фэркло, является соединение предложений, которое действует на двух уровнях. На первом уровне рассматривают предложения, находящиеся близко друг к другу и исследуют, как эти предложения соединяются между собой. На другом уровне, в свою очередь, рассматривают полную структуру текста, например, его жанр и то, как разные жанры смешиваются друг с другом в текстах. (Fairclough 1997, 137-138.) В данной работе именно понятие первого аспекта Фэркло является важным, потому что нас интересует именно то, как в текстах представляют войну и военных событие, так и военные участники.

Как Ванхала-Анишевски, так и Фэркло пишет, что так как в анализе подобных текстов лингвист должен учесть все языковые составляющие, самым важным в анализе репрезентаций является то, как идентичности и отношения репрезентируют в текстах, что считается самым главным и что второстепенным в тексте. Во-первых, анализ концентрируется на том, какие участники в тексте и как их конструируют, и, какие связи создают между ними. Во-вторых, важно обратить внимание на то, как ясно личные или институциональные идентичности представлены в тексте. Например, какая лексика используется или какими метафорами или способами содержанием они наделены в социокультурной сфере. (Fairclough 1997, 266; Ванхала-Анишевски 2006, 15)

По словам Ванхала-Анишевски, кроме пропозиционального, важны также и социальные контакты. «Кроме лингвистического анализа репрезентаций внимание надо обращать на то, какие социальные отношения и ценности употребляются говорящим, или какие роли в коммуникативном акте выполняют как сам автор, так и его адресат». Анализ концентрируется на том, какие участники существуют в тексте и как их конструируют – эксплицитно или имплицитно. Например, как автор отмечает, именно в медиатекстах роль автора остается неясной. (Ванхала-Анишевски 2006, 16).

В данной работе мы рассматриваем, какие разные репрезентации в статьях используются для второй Чеченской войны и её участников. Мы попытаемся найти конкретные языковые доказательства о репрезентации, например, какие разные существительные используются, когда описывают войны и военные события или её участников.

5. РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ В ГАЗЕТЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА»

Как уже было отмечено (см. 1.2), материалом для нашего исследования послужили статьи газеты «Новая Газета», в которых описывалось начало событий второй Чеченской войны. Исследовательский материал за период с 1 октября по 1 ноября 1999 года был собран через электронную базу «Интегрум» и включает в себя всего 25 статей. Запрос был задан при помощи слов «война в Чечне». Из 25 статей 21 содержала актуальную информацию о войне или её участниках, которую мы использовали в нашем анализе. Жанры статей – аналитические материалы и репортажи. «Новая Газета» - это еженедельная газета, основанная в 1993 году. Мы выбрали её для нашего анализа вследствие её общественно-политической тематики и резко негативного отношения к Чеченским войнам и коррупции. Таким образом, статьи из «Новой Газеты» имеют прямое отношение к нашей исследовательской тематике, посвященной событиям второй Чеченской войны и её участникам.

Нас интересует выбор лексических средств для обозначения двух концептуальных категорий, связанных с понятием «война». Во-первых, мы будем анализировать разные наименования войны и военных событий, а во-вторых, мы уделяем внимание анализу наименований участников военных событий. То есть, наименования включают в себя и существительные, и существительные со связанными с ними определениями. Анализ выбора лексических средств поможет нам выявить разные репрезентации войны и точку зрения автора.

Наименований явлений второй категории было выявлено существенно больше, чем явлений первой категории, и, несмотря на то, что во всех статьях были найдены определения приведённых выше категорий, некоторые статьи оказались малоинформативными.

Систематизация изученного материала была сильно затруднена многообразием тем, представленных в статьях. Для упрощения дальнейшего анализа мы разделили весь материал на две основные группы, представленные ниже.

5.1 Война и военные события

Как уже упомянуто, в первую категорию входят различные наименования войны и военных событий. В ходе работы мы, во-первых, анализируем, с помощью каких существительных авторы указывают на войну и военные события, встречающиеся в изучаемых текстах, а во-вторых, мы исследуем определения, связанные с существительными, опираясь на контекст.

5.1.1 Существительные

Исследовав наш материал, мы можем сказать, что в нашем материале встречаются существительные, обозначающие и войну в целом и её составные части. Таким образом, во-первых, мы исследуем наименования, связанные с войной в целом, и во-вторых, мы концентрируемся на исследовании составных частей войны и

других вариантах её наименования. Мы анализируем все варианты в свою очередь и попытаемся найти разные значения и точки зрения и проанализировать их обозначения при помощи различных примеров.

Для обозначения войны и военных событий в нашем материале употреблялись одиннадцать разных существительных: *война, операция, борьба, атака, кампания, конфликт* и *боевые действия, террор, терроризм, террористические акты, бомбардировки*. Чаще всего в статьях повторялись слова *война* и *борьба*, являющиеся синонимами (С.Н. Ожегов 1987, 77), а также слова *террор* и *терроризм*.

Война в целом обозначается всего с помощью пяти существительных: *война, операция, борьба, кампания* и *конфликт*. Как уже сказано, чаще всего в статьях повторялись слова *война* и *борьба*. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, под войной понимается «вооруженная борьба между государствами» (Ожегов 1987 s. v. *война*), а под борьбой понимается часть войны (Ожегов 1987 s. v. *борьба*). Примеры (1) и (2) показывают, что слова *война* и *борьба* - самые нейтральные названия события:

(1) Но если допускаю мысли, что, будучи премьер-министром, допустил бы войну. (НГ, 04.10.1999.)

(2) Реагирование России на беспредел, исходящий с территории Чечни, не должно превратиться в очередную кампанию бескомпромиссной борьбы со следствиями без причин. (НГ, 04.10.1999.)

На основе анализа статей, мы сделали вывод, что слово *операция* представляет собой войну в более узком смысле. То есть, *операция* – часть войны. Согласно словарю С.И. Ожегова под операцией понимается, во-первых, «координированные военные действия, объединенные единой целью», и во-вторых, «отдельное действие в ряду других подобных» (Ожегов 1987 s. v. *операция*). Таким образом, согласно статьям, мы можем отметить, что слово *операция* обозначает именно организованное событие или масштабные согласованные действия любых силовых структур.

(3) «я никогда не говорил, что наземных операций не будет». (НГ, 04.10.1999.)

(4) План военной операции уже есть. (НГ, 04.10.1999)

Иногда война была представлена как *кампания* или *конфликт*. Исследовав все статьи, мы можем сказать, что эти наименования представляют военные события как части войны. Их представляют следующие примеры (5) и (6):

(5) Ярким подтверждением незыблемости этого вывода являются печальные итоги военной кампании в Чечне 1994-1996 годов и особенно трагический штурм Грозного под руководством Павла Грачева в новогоднюю ночь 1995 года. (НГ, 18.10.1999.)

(6) Вот почему сегодня военные имеют поддержку власти, которая в разумном смысле развязала им руки роль в военном конфликте на Северном Кавказе. (НГ, 18.10.1999.)

Операция, как представлено выше, так и кампания – часть войны. Под кампанией понимается «совокупность военных операций, война на отдельном театре военных действий, в определенный период времени» (Ожегов 1987 с. v. *кампания*). В этом смысле *кампания* соединяется со словом *операция*, которое, в свою очередь, представляет собой «координированные военные действия, объединенные единой целью». Таким образом, мы можем отметить, что *кампания* также имеет значение организованного события, координированного какой-то авторитетной стороной, в нашем случае Россией. Под конфликтом понимается, в свою очередь, «столкновение, серьезное разногласие, спор» (Ожегов 1987 с. v. *конфликт*). Это дает представление именно о разногласиях и спорах между Россией и Чечней, которые привели к войне (см. 2.1.1).

Затем мы исследуем наименования отдельных военных событий и другие варианты их обозначения. В эту группу вошло всего три разных наименования. Таковыми являются: *атака*, *бомбардировка* и *боевые действия*. Исследовав наш материал, мы сделали вывод, что эти три наименования встречаются довольно редко и являются малоинформативными. Из следующих цитаты видно, что с словами

атака, бомбардировка и боевые действия ссылаются на конкретные военные действия. Кроме этого, чаще всего эти три наименования представлены в самом нейтральном контексте и связаны именно с Чечней, что можно увидеть на примерах (7), (8) и (9):

(7) Скорее всего, ожидаются короткие войсковые атаки с отходом на прежние позиции. (НГ, 04.10.1999.)

(8) Что принесли массированные бомбардировки Чечни? (НГ, 04.10.1999.)

(9) - Аркадий Георгиевич, мы узнали о вторжении в Дагестан боевиков Хаттаба и Басаева, а также о выдвижении федеральных войск и начале боевых действий из телевидения и радио. (НГ, 04.10.1999.)

Как уже упомянуто, кроме *войны* и *борьбы*, в текстах самым употребляемыми словами о войне являются слова *террор* и *терроризм*. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова под террором понимается «физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам». (Ожегов 1987 s. v. *террор*). Под словом терроризм, в свою очередь, «указывает на отношение именно к политическим противникам» (Ожегов 1987 s. v. *терроризм*). Проведя исследование выбранного нами материала, мы сделали вывод, что в большинстве случаев *терроризм* встречается именно со словом *война* или другими названиями её как «борьба + терроризм». В таком случае *терроризм* соединяется с более нейтральным выражением.

(10) [---] под шумок борьбы с терроризмом центр мечтает поставить точку в отношениях с Чечней [---] (НГ, 18.10.1999.)

(11) [---] Сегодня в Дагестане и Чечне воюют 18-20-летние российские солдаты. Это они являются главной надеждой России в борьбе с терроризмом. (НГ, 18.10.1999.)

Следующий пример (12) показывает, что *терроризм* или *террористы* могут быть представлены с помощью прилагательных *террористический* или *террористические*.

(12) [---] Террористические акты этих бандитов не были спровоцированы действиями российских властей - терроризм был спровоцирован бездействием российского руководства и его спецслужб. (НГ, 18.10.1999.)

В некоторых статьях война представлена как *партизанское движение* или *партизанщина*. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, под партизанским понимается «относящийся к вооруженной народной борьбе против иноземных захватчиков, проводимой самостоятельно действующими отрядами в тылу врага» (Ожегов 1987 s. v. *партизанский*). Под партизанщиной, в свою очередь, понимается «неорганизованные, анархические, нарушающие дисциплину действия» (Ожегов 1987 s. v. *партизанщина*). Таким образом, по нашему мнению, *партизанское движение* тесно связано с террористическим движением. Как видно из следующего примера (13), мы сделали вывод, что партизанское движение представлено только в формах *партизанская война* и *партизанщина*.

(13) [---] Начинается партизанщина, мужчины уйдут в горы.
(НГ, 18.10.1999.)

На основе анализа статей мы заключили, что тексты, содержащие существительные *терроризм*, *партизанщина*, всегда ссылаются на Чечню. То есть Россия почти всегда представлена в более выгодном свете, нежели Чечня. Чечня представлена в большинстве случаев врагом России.

5.1.2 Существительные с определениями

В данную главу входят представления, связанные с наименованиями войны и отдельными военными событиями, состоящими из существительного и связанного с ним определения. А именно нас интересует, какие представления о войне автор строит в более широком контексте.

Как уже сказано в пункте 5.1.1, понятие *война* обозначается с помощью одиннадцати разных названий, которыми являются: *война*, *операция*, *борьба*,

атака, кампания, конфликт и боевые действия, террор, терроризм, террористические акты, бомбардировки - которые мы разделили на следующие категории. Во-первых, мы исследуем разные наименования войны и отдельных военных событий в нейтральном контексте. Во-вторых, мы анализируем выражения, связанные с терроризмом или террористами, и, в-третьих, мы рассматриваем наименования войны и военных событий с точки зрения места происшествия. Далее, проведя исследование выбранного нами материала, мы можем отметить, что иногда в текстах использовано слово *терроризм* вместо слова *война*. Таким образом, в этой главе, мы также обратим внимание на то, какая разница между словами *терроризм* и *война* независимо от контекста.

Согласно нашему материалу, наименования войны или борьбы могут быть приведены как в самом нейтральном контексте, так и в составе экспрессивных оборотов. Независимо от этого, в этих контекстах могут быть найдены очень сильные контексты, связанные с Россией или военно-политическим ситуациям её. Так, в следующем примере (14) прилагательные *маленькая* и *победоносная* подразумевают, что война будет локальной и её будет легко выиграть. Таким образом, мы можем отмечать, что в примере ирония, сарказм. *Война* изображается *маленькой* и *победоносной*, хотя боевые действия ещё не начались. Это, в свою очередь, дает представление о критике против России.

(14) Если маленькая победоносная война не получится, то нынешний премьер станет политическим покойником. (НГ, 04.10.1999.)

В примере (15), в свою очередь, слово *борьба* представлено в более широком смысле и связано с событием.

(15) Реагирование России на беспредел, исходящий с территории Чечни, не должно превратиться в очередную кампанию бескомпромиссной борьбы со следствиями без причин. [---] (НГ, 04.10.1999.)

Выбор слов «*бескомпромиссной борьбы*» создает представление о том, что целью войны было вызвать большой резонанс с помощью события, привлекающего внимание. Из выражений «*Реагирование России на беспредел, исходящий с*

территории Чечни» можно также заключить, что Россия ещё раз использовала свою силу и реагировала на беспредел, исходящий с территории Чечни. Таким образом, Россия не имела явных причин для начала войны, она лишь хотела решить территориальный вопрос с Чечней (см. 2.2.1). Цитата также является примером демонстрации политической силы. По нашему мнению, этим примером ссылаются на то, что война было организована какой-то более авторитетной стороной. Реагирование, как пишут, «не должно превратиться в очередную кампанию *бескомпромиссной борьбы* со следствиями без причин».

Как примеры (16), (17), и (18) показывают, слова *кампания*, *конфликт* и *операция* характеризуют чаще всего с прилагательным *военный*:

(16) Ярким подтверждением незыблемости этого вывода являются печальные итоги военной кампании в Чечне 1994-1996 годов и особенно трагический штурм Грозного под руководством Павла Грачева в новогоднюю ночь 1995 года. (НГ, 18.10.1999.)

(17) Вот почему сегодня военные имеют поддержку власти, которая в разумном смысле развязала им руки роль в военном конфликте на Северном Кавказе. (18.10.1999.)

(18) План военной операции уже есть. (НГ, 04.10.1999.)

Прилагательное *военный*, характеризующий военные события, создает представление о том, что операция связана именно с военными участниками. Согласно нашему материалу можно также заключить, что почти во всех статьях, связанных с операцией, Россия имеет много силу против Чечней и Чечня имеет более негативный оттенок. По другому, мы можем сказать, что существительные *кампания* и *конфликт* представлены чаще всего в территориальном контексте. Как примеры (16) и (17), которые представлены выше, позволяют понять, *кампания* и *конфликт* представляют войну, связанную именно с территорией Чечни.

В цитате (19) прилагательное *наземных*, в свою очередь, характеризует место происшествия:

(19) я никогда не говорил, что наземных операций не будет. (НГ, 04.10.1999.)

Прилагательное наземный представляет *операцию* в более широком контексте и говорит о координированном событии или о масштабных согласованных действиях любых силовых структур. Примеры (18) и (19) демонстрируют также политическую силу России. Именно пример (18), «*план военной операции уже есть*», дает представление о том, что у России есть план и она готова победить во второй Чеченской войне. Она ещё раз использовала свою силу и отреагировала на беспредел, происходящий на территории Чечни.

Проанализировав статьи, мы можем сказать, что иногда слово *операция* может встречаться в контексте вместе со словом *терроризм*. Хорошим примером (20) такого объединённого влияния является следующий:

(20) [---] – этой шумной антитеррористической операции, проходящей под личным патронажем нашего воинственного премьер-министра. [---] (25.10.1999.)

Операцию характеризуют прилагательными *шумной* и *антитеррористической*. Прилагательное шумный дает представление о том, что война не продолжились без споров или других больших разногласий и таким образом, вызвала большой резонанс. Определение антитеррористический, в свою очередь, имеет отношение к терроризму и сильным методам военные событий. По другому, он связывает отношения к терроризму с политикой. Автор пишет о «*антитеррористической операции*», другими словами о контртеррористической операции в Чечне, которая имплицитно дает понять об угрозе международной кампании по борьбе с терроризмом по инициативе Путина (см.2.3). Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, под приставкой анти- понимается «противо» и она употреблена для выражения противоположности, враждебности, направленности против чего-нибудь (Ожегов 1987 s. v. *анти-*). Таким образом, название *антитерроризм* имеет противоположное значение к терроризму. То есть, Россия хочет представить себя в совсем ином свете во время кризиса. Далее, по нашему мнению, риторика «*антитеррористической операции*» говорит также о слабости и неуверенности

России, в концепции которой предотвращение ударов есть инструмент политической борьбы (или политического давления). Интересно, имеет ли риторика антитеррористической операции отношение только ко второй Чеченской войне, или же это реальная угроза терроризма в России?

Иногда *война* представлена как символическая. Интересным примером может послужить следующая цитата, содержащая метафору:

(21) Цена первой попытки была 100 тысяч человеческих жизней, цена второй, как уже говорилось, будет гораздо более тяжелой. (НГ, 04.10.1999.)

Эти цены представляют потери войн. Автор характеризует потери первой Чеченской войны как *цена первой* и потери второй войны как *цена второй*. Однако, цена представляет собой не только потери войны, а выражение дает понять, что победить во второй войне можно лишь с более сильными методами. Следующие примеры представляют военные слова, связанные с терроризмом или террористами. Исследовав наш материал, мы можем сказать, что эта группа маленькая. Из отобранных 25 статей только 8 упоминали о терроризме или партизанском движении.

В следующем примере (22) наименование военных событий характеризуется террористическим актом. Выражение «*Террористические акты*» соотносено со словом бандиты, это участники войны и военных событий. Определение *терроризм*, в свою очередь, характеризует в этом случае всю войну:

(22) [---] Террористические акты этих бандитов не были спровоцированы действиями российских властей - терроризм был спровоцирован бездействием российского руководства и его спецслужб. (18.10.1999.)

Из примера (22) можно также заключить, что в самом контексте относительно терроризма говорилось также об отношении к политике и политическим лидерам, связанным с войной. Чаще всего речь идет о Путине или о российской власти.

Как уже упомянуто в главе 5.1.1, в большинстве случаев *терроризм* встречается именно со словом *война* или другими названиями её как «борьба + терроризм». Следующий пример (23) показывает, как терроризм характеризует борьбу:

(23) [---] Сегодня в Дагестане и Чечне воюют 18-20-летние российские солдаты. Это они являются главной надеждой России в борьбе с терроризмом. (18.10.1999.)

В примере автор также имплицитно представляет военное событие через участников. В цитате военное событие, в этом случае – *борьба с терроризмом* связано с российскими солдатами, которые, по автору, «главной надеждой России в борьбе с терроризмом». Исследовав наш материал, мы также сделали вывод, что в более широком контексте слова *террор* и *терроризм* представляют почти всегда Чечню. То есть, слово Чечня изображено через слова *террор* и *терроризм*. Таким образом, из примера (23) можно также заключить, что Россия представляется с более положительной точки зрения, тогда как Чечня имеет более негативную коннотацию и изображается через слово *терроризм*.

Наконец, мы рассматриваем войну с точки зрения места происшествия. Согласно нашему материалу, из отобранных 25 статей всего 13 упоминали о месте событий войны. Для обозначения места происшествия в нашем материале употреблялись четыре разных существительных: *Чечня*, *Дагестан*, *Кавказ* и *Грозный*. Проанализировав все статьи, мы сделали вывод, что эта категория очень похожа на первую и связана с войной и другими вариантами её наименования. Таким образом, данная категория предоставляла мало релевантной информации для анализа.

В следующих примерах (24), (25), (26) и (27) видно, что чаще всего наименования войны или военных событий характеризуются места происшествия. Таким образом, места происшествия представлены в статьях как в составе экспрессивных оборотов, так и вместе со словом война или другими её вариантами:

(24) «боевых действий на Северном Кавказе» (НГ, 25.10.1999.)

(25) «в военном конфликте на Северном Кавказе» (НГ, 18.10.1999.)

(26) «коммерческого военного конфликта в Дагестане» (НГ, 18.10.1999.)

(27) «борьба в Дагестане, война в Чечне» (НГ, 04.10.1999.)

На основе примеров, представленных выше, мы можем отметить, что они также представляют войну в более конкретном смысле, связанным с названиями мест наибольших конфликтов и столкновений с боевиками. В связи с названиям места происшествия, примеры представляют читателю ещё конкретнее, где всё случилось, где самые большие конфликты происходили, или где боевики конкретно воевали. Мы также сделали вывод, что место событий никогда не употреблялось в отношении России, а только в отношении Чечни и других её территорий.

Иногда место событий представлено прилагательным, например *кавказский*. Таким образом, автор проецирует ситуацию на территориальную проблему и придает проблеме более широкий оттенок. На самом деле определение *кавказский* определяет также и региональное население:

(28) Как избиратели рассудят этих двух спорщиков, будет ясно еще до выборов в Государственную Думу - по тому, в какую сторону изменится уровень безопасности простого российского населения и сколькими жизнями будет оплачена бездарность федеральных политиков в решении кавказской проблемы. (НГ, 04.10.1999.)

5.2 Участники военных событий

Как уже упомянуто, во вторую категорию входят различные наименования участников военных событий. В ходе работы мы, во-первых, анализируем с помощью каких существительных авторы указывают на участников военных

событий, а во-вторых, исследуем определения, связанные с существительными, опираясь на контекст.

5.2.1 Существительные

Исследовав наш материал, мы можем сказать, что в нашем материале встречаются существительные, обозначающие участников военных событий в трех группах: политические участники, конкретные военные участники и жертвы войны. Во первых, мы исследуем наименования, связанные с политическими участниками военных событий, и во-вторых, мы концентрируемся на исследовании конкретных военных участников и других вариантах их наименования. Наконец, мы анализируем жертвы войны. Мы анализируем все главы в свою очередь и попытаемся найти разные значения и точки зрения и проанализировать их наименования при помощи различных примеров.

Проанализировав всё статьи, мы можем сказать, что категория, посвященная участникам войны и военных событий, самая объёмная из всех и оказалась очень информативной. Для обозначения участников войны и военных событий в нашем материале употреблялись всего тридцать семь разных существительных. Иначе говоря, из отобранных 25 статей всё упоминали о участниках войны.

Чаще всего в статьях повторялись наименования, связанные с политическими лидерами, которые обозначаются с помощью шестнадцать существительных: *Путин, Ельцин, Масхадов, Дудаев, диктаторская политическая воля, МВД, ФСБ, федеральная группировка, чеченские политические лидеры республиканской и федеральной власти, правительства, администрация, президент, кремлевские политики, чиновников из МВД и Министерства*. Кроме названия политических лидеров, в статьях представлены страны *Россия* и *Чечня* или административные места *Москва* или *Кремль* как главные участники войны.

На основе анализа статей, мы можем сказать, что в чаще всего из российских политических лидеров в статьях был представлен *Владимир Путин*. В многих

статьях рисуют такую картину, что он субъект у которого самая высокая позиция авторитета:

(29) Логика сценария по раскрутке преемника Ельцина подтверждает, что Путину и тем, кто за ним прячется, сегодня нужна победа в Чечне. (НГ, 04.10.1999.)

(30) Но если Путин утверждает, что Чечня – субъект РФ, то разве премьер по полгода готовится к встрече с Шаймиевым? (НГ, 18.10.1999.)

Из чеченских лидеров, в свою очередь, в большинстве представлены *Масхадов* и *Дудаев*:

(31) Наш майор своим глазам не верит - у ступенек стоят Дудаев - он тогда еще был жив, - Басаев, Удугов. Тут же подъезжают машины со многими полевыми командирами. И сразу крик Масхадова: убирайся! (НГ, 04.10.1999.)

На политическом уровне в статьях много повторялись слова *правительство*, *администрация*, *министерство*, *президент* и *политики*. Согласно С.И. Ожегову, под правительством понимается «высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти в стране» (Ожегов 1987 s. v. *правительство*), а под администрацией понимается «органы исполнительной власти, управления» (Ожегов 1987 s. v. *администрация*). Далее, под министерством понимается «центральное правительственное учреждение, ведающее какой-нибудь отраслью управления» (Ожегов 1987 s. v. *министерство*). Сокращение МВД, в свою очередь, значит «министерство внутренних дел» (www.mvd.ru). Хорошим примером (32) и (33) такого влияния являются следующие:

(32) Информация об этом регулярно поступала и правительству, и администрации президента. (НГ, 04.10.1999.)

(33) Здесь, несмотря на стремление чиновников из МВД и Министерства обороны засекретить все данные, от номеров частей до фамилий, разыскивают следы пропавших без вести. (НГ, 18.10.1999.)

Далее мы концентрируемся анализировать наименования, которые связаны с конкретными военными участниками военных событий. Для обозначения конкретных военных участников военных событий в нашем материале употреблялись десять разных существительных: *солдат*, *боевик*, *армия*, *войска*, *чеченцы*, *россиян*, *дагестанцы*, *преступник*, *бандит* и *похититель*. На основе анализа материала чаще всего в статьях повторялись слова *солдат* и *боевик*. По толковому словарю Ожегова, под *солдатом* понимается, во-первых, «военнослужащий, принадлежащий к некомандному и к нена начальствующему составу», и во-вторых, «военный человек» (Ожегов 1987 с. v. *солдат*). А под *боевиком* – «член вооруженной террористической – обычно националистической группировки» (www.tolkslovar.ru с. v. *боевик*). Таким образом, мы можем отметить, что выражение *боевик* более жестокое название, которое всегда связано с терроризмом, и, таким образом, имеет негативный оттенок (см. 5.1.2). Хорошим примером (34) этого является следующий. Автор называет россиян как *солдаты*, а чечен как *боевики*. Далее, в главе 6.2.2 мы будем анализировать ту же самую цитата в более широком контексте.

(34) На чеченской войне 1994-1996 годов оно доходит до 10:1. Были убиты тысячи воюющих (российских солдат и чеченских боевиков) и десятки тысяч мирных жителей. (НГ, 01.11.1999.)

На основе анализа статей, мы нашли два разных варианта для конкретных групп солдат – *армия* и *войска*. Согласно Ожегову, под *армией* понимаются «вооруженные силы государства» (Ожегов 1987 с. v. *армия*), а под *войска*, в свою очередь, – «вооруженные силы государства или часть их» (Ожегов 1987 с. v. *войска*). Проанализировав наш материал, мы сделали вывод, что хотя слова *армия* и *войска* являются синонимами. В нашем материале наименование *армия* больше связана с *партизанском движением* или *терроризмом*, чем с существительным *войска*. *Войска*, может быть, приведены в большинстве как в самом нейтральном контексте. Об этом говорят следующие примеры (35), (36) и (37):

(35) Войска стоят в обороне. (НГ, 04.10.1999.)

(36) Потом было два дня боев, когда войска пытались штурмовать, но, наравшись на контактный огневой бой, немедленно отступали, и опять в дело вступала авиация и артиллерия. (НГ, 04.10.1999.)

(37) Но главное в том, что армия столкнется с партизанами. А никакая армия не способна справиться с партизанским движением. (НГ, 04.10.1999.)

Иногда разные участники войны и военных событий представлены в том же самом выражении. Следующий пример (38) интересно соединяется как политических участников, так и конкретных военных участников:

(38) Показательный вариант бестолковости - совместная война армии и МВД (Министерство внутренних дел России). (НГ, 04.10.1999.)

Среди статей, наименования *бандит* и *преступник* представлены очень мало. Согласно нашему материалу, наименование *бандит* может быть представлено в нескольких статьях, а слово *преступник* представлен только в одной статье. Согласно Ожегову, под бандитом понимается «участник банды, вооруженный грабитель» (Ожегов 1987 s. v. *бандит*). Под преступником, в свою очередь, понимается «человек, который совершает или совершил преступление». То есть, например, «военный преступник – лицо, в ходе войны совершающее преступления против человечества» (Ожегов 1987 s. v. *преступник*). По нашему мнению, на лексическом уровне, разница между словами бандит и преступник очевидна. То есть, *бандит* всегда участник какой-то банды, например, террористической банды, и это организованная преступность. А *преступник*, это название для человека, который совершает или совершил преступление. На основе анализа статей, мы можем также отметить, что определение бандит может быть приведено почти всегда в контексте с *терроризмом*, который, в свою очередь, имеет почти всегда отношение к Чечне. В следующих примерах (39) и (40) автор использует *бандиты* и *преступники* в связи с Чечней. *Чечня* и *чеченцы* имеют негативную коннотацию.

(39) Террористические акты этих бандитов не были спровоцированы действиями российских властей - терроризм был спровоцирован бездействием российского руководства и его спецслужб. (НГ, 18.10.1999.)

(40) [---] ясно, что на территории Чечни преступников уже не достанешь и доказательной базы не соберешь. (НГ, 04.10.1999.)

Наконец, мы рассматриваем участников военных событий с точки зрения жертв войны. Для обозначения жертвы войны в нашем материале употреблялись девять разных существительных: *люди, поколение, население, гражданское население, мужчины, женщины, дети* и *заложник* или *беженец*. Больше всего представлено наименование *беженец*. Иногда в статьях говорилось о населении также словом *мы*, которой ссылались на русских или на чеченцев как народ, например:

(41) Новая война – продажная. Мы сами себе врагом растим. (НГ, 18.10.1999.)

Согласно Ожегову под заложником понимается «лицо, насильственно кем-нибудь задержанное в обеспечение того, что теми, кто заинтересован в освобождении этого лица, будут выполнены какие-нибудь требования, обязательства» (Ожегов 1987 с. v. *заложник*). Под беженцем, в свою очередь, понимается «человек, оставивший место своего жительства вследствие какого-нибудь бедствия» (Ожегов 1987 с. v. *беженец*). Это хорошо иллюстрируют следующие примеры (42) и (43), которые также позволяют понять более конкретную мысль о ситуации жертв войны:

(42) Власть взяла в заложники не только гражданское население, но и армию, загнав ее в ситуацию, из которой нет иного выхода, кроме как через гибель или убийство мирных жителей. (НГ, 18.10.1999.)

(43) Основная масса беженцев, как это уже было в прошлую войну, размещается в домах ингушей. Беженцы - это люди с совершенно изломанной психикой. Как только упали первые снаряды, они, бросив все, ушли пешком через границу. (НГ, 18.10.1999.)

5.2.2 Существительные с определениями

В данную главу входят наименования участников войны и отдельных военных событий, состоящие из существительного и связанного с ним определения. В частности, нас интересует, какие представления об участниках военных событий дает автор в более широком контексте. Исследовав наш материал, мы сделали вывод, что среди статей может быть найден ряд хороших примеров, связанных с участниками военных событий. Таким образом, далее будут проанализированы наиболее интересные примеры.

Как в пункте 5.1.1, также и в этой главе мы анализируем все варианты в свою очередь, и пытаемся найти разные значения и точки зрения, а также проанализировать наименования при помощи различных примеров. Итак, во первых, мы исследуем названия, связанные с политическими участниками военных событий, и во-вторых, мы концентрируемся на исследовании конкретных военных участников и других вариантах их наименования. Наконец, мы анализируем названия, связанные с жертвами войны.

Как уже упомянуто (см. 6.1.1), группа, посвященная политическим участникам, оказалась очень объемной и информативной. По нашему мнению, это дает представление о том, какую роль в связи с войной и разными военными событиями играют именно политические лидеры. Исследовав статьи, мы также сделали вывод, что среди политических лидеров можно было найти довольно много отрицательных мнений. Это хорошо представляет отношение прессы к событиям войны и её участникам. Итак, согласно нашему исследованию «Новой газеты» (см. 3), очевидно, что вторая Чеченская война и участники её представлены в негативном свете.

Из политических лидеров, чаще всего в статьях упоминался *Владимир Путин*. Мы нашли много примеров, в которых *Путин* представлен сильной и самостоятельной личностью с наиболее авторитетной позицией. В одном примере он представляется также *лидером*, который «демонстрирует силу, играет мускулами». По нашему мнению, выбор слов наводит на мысль о сарказме. Автор представляет твердости позиции *Путина*, то есть его уверенности в собственном

мнении. На самом деле предложение «[он] демонстрирует силу, играет мускулами» несет в себе мысль, что автор пытается представить Россию через *Путина* очень мужской и сильной страной, которая борется до конца.

Следующий пример (44) демонстрирует силу позиции *Путина* в российской политике:

(44) Логика сценария по раскрутке преемника Ельцина подтверждает, что Путину и тем, кто за ним прячется, сегодня нужна победа в Чечне. (НГ, 04.10.1999.)

Также, может быть, как в примере (44), самым употребляемым словом о *Путине* является слово *преемник*. Преемник по толковому словарю значит, во-первых, «лицо, получившее или приобретшее от кого-нибудь преемственно какие-нибудь права, какое-нибудь общественное положение, какие-нибудь общественные обязанности.» Во-вторых, «лицо, вступившее на смену кому-нибудь на какое-нибудь место, должность.» И в-третьих, «продолжатель чьей-нибудь деятельности, чьих-нибудь традиций.» (ЛЭС 2002 s.v. *преемник*). То есть, одно это слово уже рассказывает, что *Путину* была передана власть при *Ельцине* и эта передача власти будет разыграна без неожиданностей. По нашему мнению, *Путин* – один из краеугольных камней внешней политики России, который однако очень корыстолюбив. Таким образом, уже во время пребывания на посту премьер-министра он был большим авторитетом России. В примере дается представление о том, что логика для *Путина* синонимична победе. Все несет в себе мысль, о том, что по мнению *Путина*, Россия должна выиграть в войне, в которой она уже однажды проиграла, сколько бы человеческих жизней ей это не стоило.

В следующем примере (45) *Путин* именуется *премьер-министром*, в то время как чеченские военно-политические лидеры *Басаев* и *Хаттаб*, в свою очередь, называются *террористами*:

(45) Недавно премьер-министр России Владимир Путин сказал, что действия террористов Басаева и Хаттаба в Дагестане не были спровоцированы руководством России, которое четко соблюдало

Хасавюртовские договоренности, подписанные осенью 1996 года. (НГ, 18.10.1999.)

В примере (45) определение *террористов* дает более негативное представление о *Басаеве* и *Хаттабе* в более широком контексте. В этом контексте определение *террорист*, в свою очередь, дает мысль о лидерах, которые используют жестокие методы для победы в войне. По другому, характеристика *Басаева* и *Хаттаба* дает представление о людях, которые являются людьми дела, которых следует бояться. В более широком контексте, выбор слов говорит также о, на тот момент, плохих политических отношениях (см.2.3) между Россией и Чечней и представляет собой противопоставление участников, самыми сильными политическими позициями.

В статьях представлены также страны *Россия* и *Чечня*, или административные места *Москва* и *Кремль* одними из главных участниками войны (см. 6.1.1). Следующий пример (46) говорить именно о том, какую большую роль играет *Кремль* в войне:

(46) Цель Кремля - начать массовый террор, дестабилизировать обстановку, сказать в какой-то момент: «Ты не должен идти на избирательный участок, поскольку есть риск быть взорванным вместе с избирательными урнами». (НГ, 18.10.1999.)

Реальность выражения «*начать массовый террор*» подчеркивается через объекта, с высоким авторитетом – *Кремль*. На самом деле определение *цель* характеризует Кремль как одну из главных организаций связанных с войной и военными событиями. По нашему мнению, предложение «*Цель Кремля - начать массовый террор*» очень хорошо описывает также большую власть России. Таким образом, у читателя возникает мысль о реальной важности ситуации. Цитата вызывает также вопрос о том, имеет ли государство большее право начать войну, чем какая-то неконкретная личность, как Путин, например?

Далее мы рассматриваем представления, связанные с конкретными участниками войны и другими вариантами их наименования, найденными в текстах. Как уже сказано (см. 6.1.1), в эту группу вошло всего десять разных наименований, из которых чаще всего повторялись слова *солдат*, *боевик*, *армия* и *войска*.

Проанализировав наш материал, мы сделали интересный вывод, что обозначение *армия* может быть приведено почти всегда в контексте *партизанского движения* или *терроризма*. Таким образом, мы можем отметить, что название *войска* имеет более нейтральный оттенок.

В статье «Чтобы победит в этой войне, надо убить их всех» (дата 4.10.1999) дается интересный пример (47) того, как автор называет российских воинов именно солдатами, а чеченских – боевиками:

(47) На чеченской войне 1994-1996 годов оно доходит до 10:1. Были убиты тысячи воюющих (российских солдат и чеченских боевиков) и десятки тысяч мирных жителей. (НГ, 01.11.1999.)

По нашему мнению, в выражений соединяются «войны добра» и «войны зла» – *солдаты* и *боевики* (см. 6.1.1). То есть, автор характеризует российских воинов как *солдат*, а чеченских – как *боевиков*. Как уже упомянуто (см. 6.1.1), с нашей точки зрения, предложение «*Были убиты тысячи воюющих (российских солдат и чеченских боевиков) и десятки тысяч мирных жителей*» несет в себе мысль, что *солдаты* – участники, которые хотели защитить Россию и у них общая с властью цель – защищать Россию и её права. *Боевики*, в свою очередь, являются террористами и врагами России. Пример представляет также власть, потому что *солдаты* – личная гвардия премьер-министра Владимир Путина.

Следующий пример (48) представляет Россию в борьбе с терроризмом и характеризует солдат как «*главную надежду России в войне*»:

(48) [---] Сегодня в Дагестане и Чечне воюют 18-20-летние российские солдаты. Это они являются главной надеждой России в борьбе с терроризмом. (НГ, 18.10.1999.)

На самом деле цитата «*они являются главной надеждой России в борьбе с терроризмом*» хорошо иллюстрирует русский патриотизм. В цитате мысль о политическом принципе и о социальном чувстве.

Далее, следующий пример (49) показывает войну через объекты, авторитетные в военно-политической сфере – *армию* и *МВД*:

(49) Показательный вариант бестолковости - совместная война армии и МВД (Министерство внутренних дел России). (НГ, 04.10.1999.)

В этом примере войну характеризуют через определения, которые участники войны – *армия* и *МВД*. *Армия* и *МВД* представляются как участники, которые оказались бестолковыми. Согласно нашей теоритической части (см. 2.3), Путинские политические реформы дошли также до армии России, имеющей отношение к Чеченской войне. Во времена Путина *армия* имела высокий статус и решение проблемы второй чеченской войны по мнению Путина заключалось в её, *армии*, применении. Иначе говоря, *армия* имеет значение части организованного общества. Таким образом, сравнивая предложение «показательный вариант бестолковости - совместная война армии и МВД» из примера (49) с примером (46) «Цель Кремля - начать массовый террор, дестабилизировать обстановку, сказать в какой-то момент: «Ты не должен идти на избирательный участок, поскольку есть риск быть взорванным вместе с избирательными урнами», представленным выше, *армия* поднимает тот же самый вопрос об авторитете; имеет ли *армия* большее право начать войну, чем какая-то неконкретная личность, как *Путин* или *Масхадов*, например? На самом деле, пример (49) соединяет аспекты политической власти войны, с помощью которой *Путин* мог ещё раз использовать армию как инструмент политического давления.

Кроме *армии*, наименование *бандит* часто представлено в статьях в контексте терроризмом или террористами. В следующих примерах (50) и (51) демонстрируется, как сильно терроризм и политические лидеры связаны с *бандитами*:

(50) Подписав указ о вступлении Чечни в войну с Россией, он фактически выступил на стороне бандитов и международных террористов, чем поставил себя вне закона. (НГ, 18.10.1999.)

(51) Террористические акты этих бандитов не были спровоцированы действиями российских властей - терроризм был спровоцирован бездействием российского руководства и его спецслужб. (НГ, 18.10.1999.)

Из примера (50) можно заключить, что существительное *бандит* характеризуется очень нейтрально. *Террорист*, в свою очередь, употребляется с прилагательным *международные*, что дает представление о более широком контексте. В примере (51) в выражении «*террористические акты этих бандитов*» бандиты характеризуются террористами через действия «*террористических актов*» и слова *бандиты* и *террористы* согласуются между собой. По нашему мнению, оба предложения имеют довольно негативный оттенок, потому что при выборе слов они представляют именно чеченцев и Чечню в неудобном свете. По другому, в примере (51) предложение «*терроризм был спровоцирован бездействием российского руководства и его спецслужб*», дает представление о том, как Россия и её лидеры вели себя в войне. С нашей точки зрения, этот текст, в более широком контексте, характеризуем российское руководство и его спецслужбы как хитрых участников, которые могли начать войну и использовать спровоцирование как инструмент политического давления.

Иногда автор винит все правительство Чеченской Республики имплицитно через текст. Следующий интересный пример (52) показывает, что чеченские военно-политические лидеры могут быть представлены ещё раз как террористы:

(52) В Чечне сейчас появилось немало людей, которые считают Басаева не героем, а бандитом. И Хаттаба тоже. (НГ, 18.10.1999.)

На наш взгляд, в примере (52) чеченские лидеры, *Басаев* и *Хаттаб*, опускаются ниже в социальном контексте. Во-первых, *Басаева* и *Хаттаба* характеризуют как *бандитов*. С другой стороны, автор также сравнивает их с *героями*. Во-вторых пример демонстрирует образ виновника, и ясно показывает читателю своё мнение о том, кто виновник. Выражение довольно хорошо изображает также и тот факт, как в газете критикуют чеченских лидеров. Таких примеров в газете было довольно много.

Наконец мы рассматриваем наименования, связанные с жертвами войны и другими вариантами её наименования в более широком контексте. Согласно нашему анализу, в большинстве случаев жертвы войны и военных событий названы по национальностям, например *чеченцы, россияне* или *дагестанцы*. По другому, они названы следующими образом: *люди, поколение, население, гражданское население, и женщины и дети*.

Проанализировав наш материал, мы сделали вывод, что иногда в статьях говорилось о жертвах войны употребляя слово *мы*, которым ссылаются на население, на русских или на чеченцев. Почти всегда они могут быть приведены как в самом нейтральном контексте, так и как участники всех военных событий. В следующих примерах (53) и (54) автор создает образ общественного контекста:

(53) Новая война – продажная. Мы сами себе врагов растим. (НГ, 18.10.1999.)

(54) Выросло поколение, для которого война - часть жизни. (НГ, 18.10.1999.)

В примере (53) существительное *мы* характеризуется как враги войны. Автор изображает ситуацию в неудобном свете и представляет людей как народ, растущий во время новой войны. В примере (54), в свою очередь, конкретные участники войны, представляются поколением, которое не может жить без войны, «*война - часть жизни*». Иначе говоря, по нашему мнению, в обоих примерах дают описание коллективного горя, которое воздействует на каждого человека. В самом деле, особенно пример (54) представляет теньевые стороны и меланхолию людей в беззащитном обществе.

Далее, на основе анализа статей, мы сделали вывод, что в большинстве наименований жертвы войны могут быть приведены в контексте с религией, например, с ваххабизмом и исламом. Многие из статей говорили также о сепаратизме и исламе в связи с Чечней или чеченскими лидерами как с *Масхадовом*, например:

(55) Масхадов слил в одно чеченский сепаратизм и региональный исламский экстремизм. (НГ, 18.10.1999.)

Пример (55) характеризует именно действие *Масхадова* во время войны. Цитата соединяется чеченский сепаратизм и региональный исламский экстремизм. Таким образом, как мы уже исследовали (см. 2.1.2), религия и этничность – одни из главных причин Чеченских войн, из-за стремления Чеченского народа к независимости. Ни история, ни сотрудничество между Россией и Чечней на Северном Кавказе не были продолжительными. Согласно нашему материалу, именно мусульманство – другими словами, ислам – играло большую роль в военных событиях и часто употреблялось в статьях.

Следующий интересный пример (56) показывает, как *чеченцев*, представляют, с одной стороны, как *ваххабитов*, а с другой стороны – как *преступников*:

(56) В то утро опять метнулась в сторону политическая линия - наверху решили брать Грозный и ни в коем случае не заигрывать ни с одним из чеченцев, все они - ваххабиты, а дети их – преступники [---] (НГ, 25.10.1999.)

В примере говорится о *ваххабитах*, являющихся политическим движением ислама (см. 2.1.2). Выбор слов создает представление о том, что религия, в данном случае ислам, стала символом политического терроризма. В тексте автор хочет создать образ общественного контекста, в котором все население, именно Чеченская республика, характеризуется *ваххабитами*. На самом деле предложение «а дети их – преступники» характеризует всех детей как правонарушителей. Данное коллективное описание изображает всех *чеченцев* плохими и *преступниками*, опасными участниками войны.

6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью этой дипломной работы было выяснить репрезентацию медиатекстов о второй Чеченской войне и её участников в российской прессе, а именно – в газете «Новая Газета». В центре внимания было то, какие языковые средства использовались в статьях о второй Чеченской войне в начале войны. Конкретная задача была исследовать, какие репрезентации можно найти, и как выбор лексических средств отражается в текстах, когда пишется о войне и о её участниках, и как выбор лексических средств позволяет выявить разные репрезентации войны и точку зрения автора. Мы поставили вопрос, как в «Новой газете» репрезентируются события второй Чеченской войны и участники, связанные с ней? Мы также хотели узнать, с помощью каких лингвистических средств авторы статей описывают войну и участников с точки зрения Чечни и чеченцев, а также с точки зрения России и россиян?

В исследовании нас интересовал выбор лексических средств для обозначения двух концептуальных категорий, связанных с понятием война. Во-первых, мы анализировали разные наименования войны и военных событий, а во-вторых, мы

уделяли внимание анализу наименований участников военных событий. То есть, наименования включали в себя и существительные, и существительные со связанными с ними определениями.

Исследование существительных, связанных с войной и военными событиями показало, что чаще всего в статьях повторялись слова война и борьба, являющиеся синонимами, а также слова террор и терроризм. Наименования операция, кампания и конфликт, в свою очередь, представляли военные события как част войны и не представлены в таком нейтральном контексте, как наименования война и борьба. Согласно нашему исследованию, слова операция, кампания и конфликт обозначают именно организованное событие или масштабные согласованные действия любых силовых структур.

В материале довольно много разных определений, которые характеризовали войну и военные события. То есть, по нашему мнению, язык статей был яркий. Войну и военные события характеризовали, например, прилагательными маленькая, наземная, победоносная, локальная, бескомпромиссная, военная.

По исследованию, мы можем отметить, что наименования террор и терроризм, характеризовали военные события террористическими актами и имели всегда отношение к Чечне или к политическим противникам. То есть, они имели негативный оттенок.

Интертекстуальные средства, то есть, метафоры и цитаты и т.д., которые связаны с войной и военными событиями, использовались очень мало. Только в одной статье потери войны сравнивали с ценой. Автор характеризует потери первой Чеченской войны как *цена первой* и потери второй войны как *цена второй*.

Исследование участников войны и военных событий, связанных именно с политическими лидерами показывает, что чаще всего в статьях упоминался и характеризовался Владимир Путин. В большинстве он был представлен крепким и корыстолюбивым авторитетом России. Положительные репрезентации также существовали. Самый яркий из них, например то, что его описывали как премьер-министра или преемника Ельцина, который демонстрирует силу и играет

мускулами, и также хочет бороться до конца чтобы выиграть всю войну. Кроме Путина, по результатам данного исследования, в статьях четко представлены чеченские лидеры Басаев и Хаттаб, которые получали почти всегда более негативное отношение. Конкретные военные участники, в свою очередь, как бандиты, приводились в контексте с терроризмом и, таким образом, выражали негативное отношение к Чечне.

В результате анализа мы также пришли к выводу, что отношение прессы к Чечне и чеченцам было почти всегда негативное. Как мы уже исследовали, «Новая Газета», по тематике общественно-политическая газета, которая против Чеченских войн. Таким образом, по результатам данного исследования, среди статей, эта точка зрения была видна. Критика против Чечни и чеченцев отсутствовала во всех статьях.

Наконец, после исследования мы можем отметить, что причины второй Чеченской войны были многообразны. Вторая Чеченская война явилась повтором первой Чеченской войны. Иначе говоря, вторая Чеченская война, – это продолжение стремления к автономии Чечни, когда в 1999-ом году по инициативе Путина началась контртеррористическая операция против Чеченских боевиков. Эта операция перешла во вторую Чеченскую войну, которая продолжалась в Чечне почти 10 лет.

Исследование данной темы было очень интересное. Результаты анализа нельзя обобщать, но, тем не менее, наше исследование дает хорошее представление об отношении российской прессы к второй Чеченской войне. Тема Чечни сегодня актуальна как никогда, и данное исследование ставит много новых вопросов для будущих исследований. Нас интересует, например, как пишут о второй Чеченской войне и военных событиях, и участниках в других газетах и какие другие лингвистические средства и репрезентаций в них можно найти?

СПИСОК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

НГ = *Новая Газета*. Ежедневная газета. Гл. Ред. Муратов Д. Москва.
01.10.1999 - 01.11.1999.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Н.Ф. Голованева, М.А. Озерова, Е.Г. Чумак-Жунь, И.И. 2012. *Текст и дискурс. Учебное пособие для магистратов*. Москва: «Флинта».
- Барсенков, А.С. Вдовин, А.И. 2008. *История России 1917-2007*. 2-е изд. Москва: Аспект пресс.
- Ванхала-Анишевски, М. 2006. К дискурсивному анализу в изучении медиатекста. В сб.: *Медивтекст в социокультурном пространстве: теория и практикум*. Под ред. М. Ванхала-Анишевски & С.И. Сметаниной. Joensuu: Yliopistopaino, 1-29.
- Ванхала-Анишевски, М. 2003. *Основы языкознания*. Jyväskylä: Jyväskylän Yliopistopaino.
- Варганова, Е.Л. 2002. Современная медиаструктура. В кн. *Средства массовой информации постсоветской России*. Под ред. Засурского, Я. Н. Москва: Аспект Пресс, 10-86.
- Дворниченко, А.Ю. Измозика, В.С. 2006. *История России (IX – начало XXI в.)*. 3-е изд. Москва: Гардарики.
- Дервянко, А.П. Шабельникова, Н.А. 2007. *История России*. Москва: Проспект.
- Запесоцкий, А.С. 2010. СМИ как фактор трансформации российской культуры (Научный доклад). В кн. *СМИ как фактор трансформации российской культуры*. Научный доклад А.С. Запекоцкого и материалы дискуссий. Вып. 27. Санкт-Петербург, 21-47.
- Зубова, А.Б. Астрель, М. 2009. *История России XX век: 1939-2007*. Москва: Астрель.
- Засурский Я.И. 2002. Десять лет свободы печати в России. В кн. *Средства массовой информации постсоветской России*. Москва: Аспект Пресс, 3-10.
- Засурский Я.И. 2002. Закон Российской Федерации о средствах массовой информации. В кн. *Средства массовой информации постсоветской России*. Москва: Аспект Пресс, 232.
- Засурский, Я.И. 2008. Тенденции функционирования СМИ в современной структуре российского общества. В. кн. *Средства массовой информации России*. Под ред. Засурского, Я. Н. Москва: Аспект Пресс, 1-3.
- Засурский И.И. 2008. СМИ и власть. Россия девяностых. В. кн. *Средства массовой информации России*. Под ред. Засурского, Я. Н. Москва: Аспект Пресс, 74-121.
- Какорина Е.В. 2003. Сфера массовой коммуникации: отражение социальной дифференцированности языках в текстах СМИ. В кн. *Современный русский язык социальная и функциональная дифференциация*. От. Ред. Крысин Л.П.

- Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 241-265.
- Кириллов, Н.Б. 2007. Субъекты медиасреды эпохи становления новой России. В кн. *Медиакультура новой России*. Кириллова, Н.Б. и др. Екатеринбург-Москва: Академический проект, 27-50.
- ЛЭС 2002 = *Лингвистический энциклопедический словарь*. 2002 Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. перераб. и допол. Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Ожегов, С.И. 1987. *Словарь русского языка*. Под. ред. чл.-корр. АН СССР Шведовой, Н. Ю. 19-е изд. Москва: «русский язык».
- Петрова, Н.Е. 2011. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб.пособие. Москва: издательство «Флинта».
- Рихтер, А.Г. 2008. Правовые основы свободы массовой информации. В кн. *Средства массовой информации России*. Под. ред. Засурского, Я. Н. Москва: Аспект Пресс, 54-74.

- НГ = Новая газета = <http://www.novayagazeta.ru> дата ссылки 10.10.2013
- НГ = Новая газета = <http://www.novayagazeta.ru/topics/49.html> ссылки 10.10.2013
- Просми = <http://www.prosmi.ru/catalog/66> дата ссылки 10.10.2013.
- РИА Новости = <http://ria.ru/analytcs/20090416/168270914.html#ixzz2h7kdAsdd> дата ссылки 08.10.2013
- РИА Новости = http://ria.ru/defense_safety/20090326/166106234.html дата ссылки 13.10.2013
- РИА Новости = http://ria.ru/trend/Kadyrov_announcement_war_ends_26032009/#Ixz2hcl01pp дата ссылки 14.10.2013
- РИА Новости = http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_2773000/2773997.stm дата ссылки 13.10.2013
- Медиа-атлас = <http://www.media-atlas.ru/holding/?a=view&id=49> дата ссылки 23.10.2013
- History of wars = <http://www.history-of-wars.ru/> дата ссылки 14.01.2013 mvd.ru

- Donskov, N. et al. 2008. *Novaja Gazeta 1: Riippumatonta journalismia Venäjältä*. Helsinki: Into Kustannus Oy.
- Evangelista, M. 2004. *Tshetshenian sodat: -hajoaako Venäjä?* Helsinki: LIKE
- Fairclough, N. 1997. *Miten media puhuu*. Tampere: Vastapaino.
- Iivonen, J. 2006. *Neuvostoliiton/Venäjän historia 1985-1999*. Kirjassa: *Venäjän historia*. Toim. Kirkinen H. Helsinki: Otava, 479-549.
- Jokinen, A., Juhila K., Suoninen, E. 1999. *Diskurssianalyysi liikkeessä*. Tampere: Vastapaino.
- Lehtonen, M. 2000. *Merkitysten maailma*. Tampere: Vastapaino.
- Luntinen, P. 2008. *Sota Venäjällä, Venäjä sodassa*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
- Nordberg, E. 2007. *Islamistinen terrorismi ja sen vastainen puolustus*.
- Palva, H. Pietikäinen J. 1999. *Uskonnot maailman politiikassa*. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY.
- McFaul, M., Petrov, N., Ryabov, A. 2004. *Between Dictatorship and Democracy Russian Post-Communist Political Reform*. Washington, D.C.
- Pietikäinen, S., Mäntynen, A., 2009 *Kurssi kohti diskurssia*. Tampere: Vastapaino.
- Politkovskaja, A. 2010. *Demokratian raunioilla*. Helsinki: LIKE.